

Беру тебя
В ДОЛГ

ЕКАТЕРИНА КАРИДИ

Екатерина Руслановна Кариди

Беру тебя в долг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784588

0101

Аннотация

– Поедешь со мной. Я беру тебя в долг, – отчеканил мужчина и повернулся спиной.

Когда-то Родхар Ледяной Клинок отсеял ее на отборе невест. Предложил почетное место любовницы. Мара от этой чести отказалась и решила выйти замуж за соседнего лорда. Он развалил ее брак, сделал так, чтобы вокруг нее образовалась пустыня, задушил податями, опозорил. А теперь он еще вломился к ней в дом.

«Ты сам нарвался», – подумала Мара, а вслух сказала: – Хорошо.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
глава 2	9
глава 3	17
глава 4	24
глава 5	31
глава 6	37
глава 7	44
глава 8	50
глава 9	58
глава 10	69
глава 11	75
глава 12	81
глава 13	87
глава 14	95
глава 15	102
Часть вторая	108
Глава 16	108
глава 17	115
глава 18	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Беру тебя в долг

Автор: Екатерина Кариди

Часть первая

Глава 1

– Собирайся, поедешь со мной в королевский замок!

Дядя ворвался в дом как внезапный сквозняк. Собственно, сквозняк был самый настоящий, потому что Меркель Хантц не удосужился закрыть за собой дверь.

– Зачем? – опешила Мара, глядя, как он отпихивает в сторону корзину со штопкой.

А тот уже дошел до стола и теперь, запрокинув голову, жадно пил морс из кувшина. Допив, со стуком поставил кувшин на стол и выдал:

– Родхар Ледяной Клинок объявил отбор невест.

У Мары внезапно ёкнуло сердце. В сознании зазвенел тревожный сигнал.

– Что? – переспросила она.

Меркель отошел от стола и шагнул к окну.

– Поедешь со мной, – ронял он слова, стоя спиной. – Отбор – это шанс. Если повезет, устроишься при дворе. А нет...

Оглянулся и смерил ее взглядом.

– Кто-нибудь да на тебя позарится.

Сказано было так пренебрежительно, что Мара не выдержала, отвернулась. Спорить с Меркелем Хантцем не имело смысла, после смерти родителей младший брат отца был ее опекуном.

Повисла короткая пауза. Наконец Мара сказала:

– Хорошо, я поняла.

И встала, чтобы выйти. А он ей бросил вдогонку:

– Ничего лишнего с собой не бери. Кое-какую одежду купим тебе по дороге, чтобы не была оборванкой. На первое время хватит, а дальше пусть думает тот, кто на тебя позарится.

И тут она не выдержала.

– Послушайте, дядя, почему я вообще должна куда-то ехать?

Он подался вперед и нехорошо оскалился.

– Потому что я так сказал, Мара. А сейчас пошла и быстро собралась. Мы выезжаем через час!

Через час?! Ее просто душило от обиды и возмущения.

Мара заперлась в своей светелке и сидела, глядя в одну точку. Меркель не оставлял ей выбора. Он даже времени свыкнуться с мыслью ей не дал.

Наверное, надо радоваться, да? Она поедет на отбор

невест, увидит королевский замок. Но ведь это должно происходить официально! Ведь не корову на рынке – будущую королеву Хигсланда выбирают. Всем девушкам присылается приглашение, его привозят королевские герольды.

А вместо герольдов здесь был ее дядя.

В конце концов она пересилила себя и стала собираться.

Опекун зашел за ней через час, недовольно оглядел ее пожитки и велел:

– Выходи. И без того задержались, опаздываем.

Но когда служанка сунулась было взять ее вещи, рыкнул:

– Куда?! Ты останешься.

Это было вторым тревожным сигналом.

– Как же я без служанки? – спросила Мара, стараясь не показывать, насколько она шокирована происходящим.

– Обойдешься пока. А во дворце к тебе служанок приставят.

Ох, чем дальше, тем больше крепла у нее уверенность, что младший брат отца затеял что-то странное. А он уже подхватил кофры с ее вещами. Крикнул походя:

– Живо!

И направился к выходу из комнаты. Мара с места не сдвинулась. Дядя обернулся, уставился на нее грозно.

– Ну? Что замерла? Мы опаздываем.

– Приглашение, – проговорила она. – Должно быть приглашение от короля.

– Ах это?! – Меркель по-звериному оскалился. – Не вол-

нуйся, у меня есть приглашение для тебя!

Звоном в ушах отдалось. Мара шевельнуться не могла, а дядя двинулся к ней и угрожающе прошипел:

– Я сказал. Мы опаздываем. Выходи, не стой. Или мне тащить тебя силой?

И тут она очнулась.

Меркель был слишком зол и явно настроен решительно. Придется подчиниться, иначе с него станется потащить ее силой. Вот только зачем это все ему? Какой его интерес? Мара невольно обвела взглядом стены и потолок своей комнаты. Неужто... Поверить не могла.

Но разбираться с этим, видимо, предстоит уже потом.

Она совладала с собой и сказала:

– Да. Извините, дядя, я просто задумалась. Я уже иду.

– Вот и правильно. Думать потом будешь, когда я тебя на место доставлю.

И двинулся быстрым шагом по коридору. Шаги отдавались эхом, а Мара шла за ним, пытаясь понять, что происходит. Но разбираться с этим, видимо, предстоит уже потом.

Не прошло и четверти часа, а она уже тряслась в тесной повозке по ухабам. И, повернувшись назад, глядела в маленькое оконце, как удаляются стены родительского замка. Наконец она села ровно и перевела взгляд на спину скакавшего чуть впереди дяди.

И почему у нее было такое чувство, что все это грандиозный подвох?

глава 2

Дядя крикнул кучеру, чтобы тот ускорился. Послышались гиканье и свист хлыста, ржание. Теперь они неслись еще быстрее, а мимо проскакивали росшие на обочине деревья и кусты.

Стало почему-то трудно дышать, Мара потеряла переносицу, лоб. Ей казалось, что она прощается со всем этим и больше не увидит. Потом она откинулась на стенку подскакивавшей на каждом шагу повозки и закрыла глаза. А в голову полезли разные мысли.

Вот было бы хорошо, если бы вдруг отвалилось колесо.

Глупо, конечно.

Но тогда бы они остановились и опоздали.

Не зря же Меркель Хантц так спешит и боится не успеть куда-то. Значит, это шанс. И тут же поморщилась, понимая, что нет никакого шанса. Дядя от своей затеи не откажется, если сломается повозка, он ее волоком потащит.

Протест зарождался в душе, а будущее надвигалось, давя неизбежностью.

Потом она подумала – в конце концов, может быть, все не так уж и страшно?

И этот отбор невест... Что она знает о правилах? Кажется, все девушки, приглашенные на отбор, должны жить в королевском замке и видаться с королем. Еще будут пиры, турниры

ры, танцы, охота. Не так уж плохо, да? Она пожала плечами.

Но будут еще и конкурсы, и, как она слышала, подготовиться заранее невозможно, потому что всегда все бывает по-разному. Зависит только от короля.

Попыталась представить Родхара, вспомнить, какой он.

Мара видела его когда-то давно, когда была еще девочкой. Была вместе с родителями на празднике, который устроил еще покойный король Хлориг, отец Родхара. Там было много богато одетых всадников, и мама показала ей тогда:

– Вот смотри, это король. А это наш молодой принц Родхар.

Она запомнила только, что у принца густые черные волосы и что на коне он держался лучше всех. Кажется, он был красивый. Потом она случайно оказалась рядом, когда принц проходил по двору со стайкой разряженных в пух и прах молодых красавиц. Он ее тогда не заметил.

И что изменится сейчас?

Тащить ее к нему на отбор невест. Что за странная фантазия у дяди? Да и какой смысл? Родхар в ее сторону даже и не взглянет. Женится на одной из тех разряженных герцогских дочек, и это будет правильно. Или выберет принцессу из окрестных королевств, что будет еще правильнее.

В этот момент повозку совсем уж сильно потрянуло на повороте, а Мару так подбросило на сидении, что она ударилась головой. Такое зло взяло от безысходности, что она не выдержала, высунулась в окно и рявкнула:

– Дядя! Вы так меня живой не довезете!

Тот что-то пробурчал в ответ и махнул ей рукой, чтобы не высовывалась. Но с того момента темп немного сбавили, и повозку уже не так трясло и подбрасывало. Мара свернулась калачиком на сидении, закуталась в накидку и попыталась уснуть.

То ли дорога пошла ровнее, то ли она притерпелась к тому, что из окна дует, но она сама не заметила, как уснула. Проснулась оттого, что Меркель Хантц тряс ее за плечо.

– Вставай, приехали.

Еле разлепила глаза, стала оглядываться, вокруг уже почти стемнело. Вечер? Выходит, они ехали не меньше шести часов. Она отлежала себе все, а дядя выглядел бодро, хоть и скакал все это время в седле.

– Выходи, – проговорил тот, подаваясь назад, и вылез наружу.

Выходить не хотелось, эта тесная повозка ощущалась последним безопасным убежищем. Хотя о какой безопасности она толкует?

– Не торчи там! – послышался окрик. – Времени мало. Надо еще позаботиться о твоих нарядах. Заночуем здесь, а завтра к полудню надо уже быть в замке.

– Иду, – буркнула Мара, выбираясь из повозки.

И наконец увидела, куда он ее привез.

Это был Даршанц, небольшой городок на пути к столице. Знаменит он был тем, что здесь шла бойкая торговля. Дар-

шанц стоял прямо на главном тракте. Оживленное движение в столицу и обратно, в нем постоянно кипела жизнь. Была даже поговорка: «Даршанц не спит ни днем, ни ночью».

Далеко они успели забраться, однако.

Повозка отъехала в сторону, в Мара стала оглядываться по сторонам. Меркель остановился на окраине, но даже здесь были хорошие, крепкие дома. Построенные в новомодном стиле «фахверк»*. Темный каркас из мореного дуба и белый камень заполнения. В свете факелов дома казались пряничными.

Мара неловко повела плечом и переступила на месте, стараясь смотреть под ноги, чтобы не наступить на оставленные лошадьми кучи. Ее трясло мелкой дрожью от усталости и немного покачивало. Такое чувство, будто плывет в лодке. Все время хотелось отставить ногу в сторону, чтобы не потерять равновесие.

– Иди за мной! – окликнул дядя.

Он уже довольно далеко ушел вперед. А тут остановился и оглянулся на нее.

– Чего встала? Нам еще за твоими тряпками, а потом устраиваться на ночь!

Как ее напрягало это пренебрежение, сквозившее в каждом его слове. Меркель невозможно злил ее и как будто делал это нарочно. Он никогда не отличался особой любезностью, а сейчас просто превзошел себя. Она пошла, но ноги подрагивали, быстро не получалась. Когда поравнялась с

Меркелем, он снова стал грубо подгонять:

– Шевелись, Мара.

И тут она не выдержала, взглянула на него и проговорила:

– Зря вы так, дядя. Что если я стану королевой? Ведь все возможно. И что тогда? Подумайте об этом, дядя.

Меркель даже отшатнулся, и такой у него проскочил странный взгляд, словно он испугался. Потом натужно расхохотался и выдавил:

– Да... ааай Бог. Кхммм...

И закашлялся. Мара прошла мимо него и бросила:

– Куда идти? Показывайте.

Он молча пошел вперед, уже без понуканий. Только один раз зыркнул на нее острым режущим взглядом. Наконец они пришли.

– Жди здесь, я сейчас, – сказал Меркель, оставив ее перед крыльцом какого-то дома, а сам вошел внутрь.

Так глупо. Мара мечтала от него избавиться, а тут осталась одна, и вдруг стало страшно. Однако дядя не солгал, вернулся почти сразу. С ним вместе был какой-то мужчина. По виду зажиточный, но об остальном судить было трудно, кто их знает, горожан. Мужчина спросил:

– Это она?

– Да, – кивнул дядя и повернулся к ней. – Иди сюда, Мара. Что?! Этого еще не хватало!

– Никуда я не пойду, – сказала Мара, глядя на них.

Видно было, что Меркеля распирает от злости, однако он

сдержался.

– Твои платья, – процедил он. – Они здесь. Их еще надо подогнать.

Несколько секунд она смотрела на них и не трогалась с места, наконец дядя процедил:

– Мы. Опоздываем. Завтра ты должна быть в королевском замке.

Мара подумала, что дядя Меркель уж слишком боится опоздать к началу отбора, значит, вряд ли оставит ее здесь. Преодолевая неприятное чувство, она все-таки вошла.

Внутри дом был довольно зажиточно обставлен. Судя по всему, хозяин – торговец, однако слишком у него был уверенный и острый взгляд для торговца. И отточенные движения. Ее отвели в комнату, и там действительно было несколько платьев. Все сшитые по последней моде.

Смущало то, что и дядя, и тот мужчина вошли вместе с ней.

– Пусть мадхен** снимет накидку, – проговорил мужчина. – Целиком. Надо видеть, где подгонять.

– Мара, – мотнул головой дядя.

Не хотелось, но она сняла.

– Необычный цвет волос, как лунное серебро, – проговорил мужчина. – Все, как он зака...

Дядя громко кашлянул, они переглянулись. Нехорошая усмешка появилась на губах торговца, однако он поклонился ей и проговорил:

– Мадхен, прошу, встаньте сюда. Надо снять мерки.

Откуда-то сбоку возникла служанка, стала суетиться вокруг нее. А мужчины отошли в сторону и о чем-то тихо переговаривались. Как Мара ни прислушивалась, ничего не разобрала. Наконец служанка сняла и записала все ее мерки.

– Ну что? – спросил дядя.

А торговец заверил:

– Все будет готово до утра.

Мару поразило то, что он даже не заикнулся об оплате. Она все думала об этом, когда они вышли. Потом пришла к выводу, что Меркель мог оплатить все заранее или как-то еще.

– Очнись, Мара, мы пришли, – раздался недовольный голос дяди.

Она вскинула глаза, перед ними была таверна. Меркель толкнул дверь и пошел вперед, ворча на ходу:

– Давай, заходи. Теперь еще взять комнату и ужин. А завтра...

Дальше она не расслышала. И честно говоря, Мара так вымоталась за этот день, что ей было все равно. Главное, что Меркель взял для нее отдельную комнату. Она даже ужинать не стала, сразу забралась в постель и заснула.

Примечание:

* Представляет собой каркас, образованный системой го-

горизонтальных и вертикальных деревянных брусьев и раско-
сов с заполнением промежутков камнем, кирпичом, глиной
(саманом) и другими материалами.

** Обращение к девушке благородного происхождения
без титула.

глава 3

Утром ее разбудили очень рано. Мара совсем не выспалась, чувство было такое, как будто только закрыла глаза и вот уже вставать. Но Меркель подгонял опять. Не успела она одеться, как он влетел в ее комнату, внося тревожность. Тут же прошел к окну и стал вещать:

– Быстрее, не тяни время. Мы должны обязательно успеть сегодня на отбор.

А ей как раз принесли завтрак. Каша была горячая, она ела осторожно.

– Мне что, давиться, дядя? – в сердцах сказала Мара, а потом спросила уже другим тоном: – Я не понимаю, к чему такая спешка?

Он не ответил, только зло зыркнул на нее и вышел из комнаты. Но в дверях обернулся и бросил:

– Сейчас должны принести твои платья. Наденешь розовое.

И вышел.

После такого какой завтрак, кусок не полезет в горло! Но она все съела, потому что неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Дядя не солгал, сундук с ее платьями доставили очень скоро. Но еще раньше в ее комнату принесли лохань и горячую воду. Мара не стала задавать вопросов. Если уж Меркель расщедрился для нее на горячую ванну, это надо

использовать. Мылась очень быстро и все равно получила огромное удовольствие.

Однако настал момент одеваться. И тут Мара поняла, что не наденет это *розовое*. Да, оно было эффектное, но слишком открытое. Черта с два, подумала Мара и стала перебирать остальные платья. Выбрала наиболее закрытое серое, из плотной ткани. Даже не из скромности, а потому что это платье было самое теплое. Оделась с помощью местной служанки, которую дядя прислал ей в помощь.

Кроме платьев там была еще новая накидка, отороченная мехом и расшитая узором по подолу. Красиво, конечно, и дорого. Но вот туфли к этому всему предусмотрены были только одни. Глядя на них, Мара чертыхнулась про себя, похоже, на этом дядя сэкономил.

А потом просто надела свои башмаки. Они у нее были еще крепкие. Пусть не изящные, ничего, под платьем не видно.

Она как раз закончила одеваться, когда вошел дядя. Глянул на нее и выпалил:

– Почему не надела розовое?

– Потому что оно не подходит.

Казалось, он сейчас вспылит, но Мара сказала:

– Мы разве не торопимся?

Меркель со свистом выдохнул сквозь зубы. Но два молодца из прислуги замерли в дверях, ожидая приказаний. В конце концов Меркель мотнул им головой, чтобы выносили сундук. А ей сказал:

– Выходи, – и сам первый вышел из комнаты.

Выехали они сразу, как только сундук приторочили на запятки повозки. И опять Меркель погнал лошадей, но дорога уже была намного ровнее. Не так трясло, и Мара чувствовала себя лучше. Она даже успела вздремнуть.

А к полудню, как и планировал ее опекун, они въехали в столицу Хигсланда Лендрио. Повозка покатила по улицам города. Мара выглядывала в окно, высматривая королевский замок. А его было видно издалека. Каменная громада возвышалась на холме, словно утес. Мара была здесь когда-то и уже видела все это, но почему-то, чем ближе они подъезжали, тем ей становилось тревожнее.

Наконец, примерно полчаса спустя, они въехали в ворота замка. Она отмечала про себя и флаги, развешанные по стенам, и опущенный подъемный мост, на котором зачем-то были вставлены две тумбы. Здесь царило оживление, сновал народ.

Но не успела она толком рассмотреть все, как их вышел встречать распорядитель отбора. Дядя сразу направился к нему, вытащил из-за пазухи бумагу и показал на повозку, в которой она сидела.

– Мара-Элизабета Хантц.

Дядя говорил ему что-то еще. Надменный придворный слушал, уставившись в бумагу, потом перевел на нее при-

стальный взгляд. Мара вдруг почувствовала себя кроликом в садке, а он снова уставился в бумагу и кивнул.

Дальше все было быстро. Дядя выгрузил ее и сундук с платьями и тут же уехал.

А она осталась посреди двора одна!

Распорядитель оглядел ее внимательно, потом знаком приказал, чтобы забрали ее сундук, и сухо произнес:

– Мара-Элизабета Хантц, вы приняты на королевский отбор.

Вот и как все это было понимать?

К чему было вот так гнать? И почему Меркель умчался, как будто под ним земля горела?

Распорядитель отбора развернулся и пошел вперед, постукивая посохом. А она постояла, а потом быстро пошла за ним, понимая, что она попросту не ориентируется здесь и не знает, куда идти. И без того ничего не понятно, не хватало еще потеряться.

Пока шла за распорядителем, все думала, глядя на его спину. Значит, дядя не лгал, когда говорил про отбор. Но вел себя так странно и так поспешно уехал, что это наводило на нехорошие мысли. Он буквально бросил ее и сбежал, как будто очень торопился. Куда и почему, спрашивается, так спешил Меркель Хантц? Додумать она не успела.

Они все это время двигались куда-то по коридорам замка,

а тут вдруг остановились перед двустворчатой дверью. Распорядитель стукнул посохом, оттуда вышла высокая сухая дама в глухом темно-зеленом платье.

– Мара-Элизабета Хантц, – проговорил распорядитель. – Разместить... Кхммм. На королевский отбор.

Странная оговорка почудилась Маре. А эти двое сначала переглянулись, потом сухая дама смерила ее высокомерным взглядом и процедила:

– Меня зовут матрес* Елена Фоурм, и я отвечаю за порядок в крыле для претенденток. Следуйте за мной.

Теперь ее повели в крыло, специально отведенное для претенденток. Коридор, по обе стороны двери. Эта матрес Фоурм двигалась впереди и цедила сквозь зубы:

– На время отбора вам положена комната. У нас есть комнаты, в которых девушки живут по двое и по трое.

Мара хотела сказать, что ей неважно, пусть хоть по трое. Она же понимала, что лучшие условия здесь у богатых невест. Но тут сухая дама, которую Мара мысленно окрестила палкой, неожиданно повернулась к ней и сказала:

– Но вас мы поместим в одноместную комнату.

Надо же. Мара изумилась – с чего ей, интересно, такая честь?

Все стало ясно, когда она увидела комнату. Крохотная каморка с видом на задний двор. Сюда же принесли ее сундук. Дама высокомерно проговорила:

– Располагайтесь. На обед вы уже опоздали. Ужин в семь.

И удалилась, шурша юбками.

Мара осмотрелась в комнате.

Не так уж плохо. По крайней мере, тут есть стол и кровать.

И даже кое-какие удобства. Все-таки королевский замок.

Почти сразу после ухода матрес Фоурм к ней постучалась служанка. Сообщила, что ее зовут Гизел и что она приставлена к ней до конца отбора. Спросила, есть ли пожелания, но Маре честно ничего не хотелось. Разве что есть. Но ей прямо сказали, что поесть она сможет только на ужине. Очевидно, здесь заботятся о том, чтобы претендентки не переедали.

– Спасибо, ничего не нужно, – сказала Мара. – Я устала и хотела бы лечь.

Служанка помогла ей распуścić шнуровку на платье и удалилась не особо довольная. Возможно, ожидала какого-нибудь подарка? Но тут уж что делать, «щедрый» дядюшка ей ни одной монетки не оставил. Только то, что она взяла из дому сама, а это было немного.

Оставшись одна, она разделась окончательно и улеглась в постель. Сейчас чуть больше двух, до ужина почти пять часов, можно было спокойно поспать. Но заснуть сразу не удалось. Она так и лежала с закрытыми глазами.

И вдруг услышала шорох за дверью. И голоса. Мара напряглась, прислушиваясь.

Примечание:

* Матрес – обращение к замужней даме благородного происхождения, не имеющей титула.

глава 4

Говорили мужчина и женщина, но очень тихо, слов не удалось разобрать. Ей почудились интонации этой матрес Фоурм. Потом послышался тихий смех. Шаги.

Что это было?

Она присела на кровати, нахмурилась, а сон как рукой сняло. Хотела выглянуть, но передумала. Что она может предъявить? Кто бы там ни был, они ведь могли просто секретничать. И что с того, что у ее комнаты? Тут целое крыло претенденток, и у всех двери выходят в этот коридор. Почему обязательно принимать это на свой счет?

В конце концов она снова опустила голову на подушку.

Уже давал о себе знать голод, а до ужина еще далеко. И надо было все-таки попытаться заснуть. Некоторое время Мара еще прислушивалась, потом усталость взяла свое, она уплыла в сон.

За дверью ее комнаты действительно происходило нечто интересное.

Говорили двое, смотрительница крыла претенденток матрес Елена Фоурм и помощник распорядителя. Он тут присутствовал тайно.

– Эта? – спросил мужчина.

– Такие волосы только у нее.

– Почему не в розовом была, как условились?

– Ну, откуда мне знать? – шикнула матрес Елена и закатила глаза. – Платье могли не успеть доставить, оно могла поврваться. Мало ли что может произойти с этими неряхами?!

– Хммм, хмммм, – мужчина пометил что-то в своих записях. – Она у нас идет в жены барону Малгиту? Он заранее оплатил заказ.

– Да. Старый черт, уже четырех молодых жен схоронил, все ему мало!

– Нам какая печаль? Может, ей даже повезет и старый барон помрет раньше? Останется богатой вдовой.

Раздался приглушенный смех. Они отошли к следующей двери, помощник смотрителя что-то черкал в своих записях. Некоторое время царило молчание, потом смотрительница крыла претенденток проговорила:

– Я все-таки волнуюсь, что если король узнает...

– С чего бы? А если и так? Вон их сколько, он их в лицо не запомнит даже. Пусть хоть любую забирают, хоть всех сразу. Женится-то наш король все равно на принцессе из Грихвальда.

И снова засмеялся.

– Это да, но все же... – вздохнула дама.

Кому как не ней было знать, что королевский отбор – это прекрасный способ обогатиться. Жаль только, очень редко случается. И потому надо стремиться использовать все шан-

сы. И она старалась. Очень старалась. Но в этот раз честную даму почему-то преследовало странное предчувствие и беспокойство.

Хотя с чего бы? Непонятно.

Отбор проводится как дань традиции, не более того. Иллюзия равенства. Зато это прибавляет королю любви и популярности среди подданных. Каждый захудалый рыцарь может прислать свою дочь на отбор, приглашения, как заведено исстари, рассылаются всем.

Но на самом деле, на ком женится его величество, известно с самого начала. Выбор не особенно велик, реальных претенденток всего две: принцесса Амелия из Грихвальда и Истелинда, дочь главного королевского ловчего. Амелия дочь короля, а Истелинда необычайно красива. Но, как бы ни была прекрасна дочь ловчего, его величество склонится в пользу династического брака, он куда более выгоден короне.

Остальные же девицы будут нарасхват. Уже сейчас на них идет охота.

Многие королевские рыцари и придворные присматривают тут жен. Выбрать себе невесту с королевского отбора не только престижно, но и выгодно, каждой участнице в качестве приза полагается небольшое, но вполне достойное денежное вознаграждение.

А другим, тем, кто может себе это позволить, девушку подбирают на заказ. Вот как в случае с этой Марой-Элизабетой Хантц, у которой такие необычные волосы.

Но рискованно... Ох, как рискованно.

Все надо проверить идеально, чтобы комар носа не подточил. Ни одно, даже маленькое пятно не должно лечь на репутацию будущей избранницы. Ибо ей предстоит стать королевой Хигсланда и родить наследника престола. Любые подозрения, кривотолки – все это моментально поставит под вопрос право наследования.

Здесь, в стенах этого крыла, Елена Фоурм лично отвечала за каждую.

Однако за его пределами смотрители ответственности не несут, если вдруг какая-то девица возьмет и опозорит сама себя. Или предпримет какой-нибудь легкомысленный шаг и потеряет доверие.

Или выйдет замуж.

А в это время Мара-Элизабета Хантц преспокойно спала.

Проснулась только к пяти, и то потому, что явилась служанка помогать ей одеться к ужину.

Спросонья ее немного знобило, и приходиться в себя было трудно. Служанка все время тарахтела и торопила ее, а ей хотелось послать все к черту. Но Мара пересилила себя и стала собираться.

Пока она умывалась, Гизел успела застелить постель и разложить поверх все ее платья.

– Что наденете, мадхен Хантц?

Вообще-то платьев было не так уж много, вероятно, у других девиц этого добра побольше. Мара неохотно оглядела все, взгляд остановился на розовом, и Гизел тут же показала на него:

– Вот это? Оно самое модное.

А ей почему-то не хотелось. Наверное, потому что дядя настаивал, чтобы она надела именно его.

– Нет. Вон то, голубое.

Платье тоже было красивое. И не такое открытое, как розовое. Квадратный вырез каре был отделан узкой полоской вышивки, и такая же вышивка шла по низу рукавов, а по подолу рисунок был крупнее. В остальном же никаких излишеств.

– Вот это? Что ж, я сейчас подготовлю его.

Сейчас? Мара скептически посмотрела на складки и заломы на платье, образовавшиеся оттого, что оно лежало сложенным в сундуке. Она же ничего нормально разгладить не успеет. Надо было делать это все раньше, благо времени было полно. Но сейчас поздно спохватываться, сама виновата, проспала весь день.

– Хорошо, – сказала она. – Но впредь постарайся готовить платье заранее.

Гизел аж покраснела от злости.

– Разумеется, мадхен Хантц.

Поклонилась ей и вылетела из комнаты. Вернулась с утюгом, пыхла и громыкала, но справилась действительно

быстро. Разложила платье и проговорила:

– Вот.

Мара посмотрела на служанку и проговорила:

– Спасибо, Гизел. Руки у тебя просто золото.

Девушка неожиданно смешалась, выдавила неловкую улыбку и сказала, шевельнув крупными кистями:

– Ну что, мадхен, будем одеваться? А то уже время.

Потом она одевалась. Платье село идеально, не солгал тот торговец. Почему-то воспоминание о нем было неприятным.

Чем ближе подходил момент, тем больше Мара начинала нервничать. Хоть она и говорила себе, что это просто ужин. Возможность вкусно поесть, не более того. Там будет столько народу, что ее никто в этой толпе не заметит. А все равно волнение поднимало голову.

Служанка укладывала ее волосы, а она невидящим взглядом смотрела в зеркало. Наконец та сказала:

– Вот, мадхен. Готово.

Мара невольно замерла, глядя на себя. Непривычно. Волосы были уложены в широкую сложную косу. Она еще как-то подвернула ее внутрь и подколола шпильками. Прическа открывала шею и делала ее зрительно длиннее. И из-за этого она казалась себе голой. Но девушкам не полагалось никакой вуали, это замужним особам и вдовам. Пришлось примириться с новой собой.

– Красиво, – проговорила Мара.

Хотела поблагодарить, но тут в дверь постучали. Вошла

сухая, прямая матрес Фоурм, оглядела ее и выдала:

– Мара-Элизабета Хантц. На ужин.

И Мара пошла за ней следом, стараясь не думать о том, что сейчас она, возможно, встретится с королем.

глава 5

Когда распорядитель вел сюда, Мара не особенно успевала смотреть по сторонам. От волнения и усталости у нее все сливалось в какое-то цветистое пятно. Единственное впечатление, которое у нее осталось, это то, что здесь богато.

Сейчас она внимательно присматривалась к деталям. Поражало все. Резная мебель с инкрустациями, тяжелые ткани, затканые золотом, искусная ковка. Здесь были картины, дорогая посуда в горках.

Суровый снаружи, королевский замок блистал богатством и красотой изнутри.

Конечно, каждая из претенденток хотела бы стать хозяйкой всего этого выставленного напоказ великолепия.

И еще где-то здесь, в недрах замка, должен был храниться великий Ледяной Клинок – легендарный меч, когда-то в древности давший имя династии. Говорили, будто Ледяной Клинок магический, он обладает невиданной силой и делает короля непобедимым.

Еще Мара слышала, что покойный король, отец Родхара, надевал этот меч среди прочих регалий на свадьбу, ее бабушка как-то оговорился шепотом, что на самом деле меч обычный стальной, просто узоры на нем похожи на морозные.

Любопытно было бы увидеть...

Все эти мысли мелькали в голове, только бы не думать о главном.

О том, зачем она сюда приехала.

Потому что выйти замуж за короля – это...

Она же понимала, что у нее нет шансов. Но то, что за участие в отборе дают небольшое вознаграждение, было в плюс. Если дядя Меркель своим опекунским правом не отберет, можно было бы купить пару лошадей, починить крышу и еще останется.

Ну вот, опять.

Мара медленно выдохнула.

Просто все это было неожиданно и трудно совместить с собой. Нет, каждая девушка мечтает выйти замуж. Но вот так, из медвежьего угла да в королевский замок? Кто на нее взглянет, когда тут в пух и прах разодетые девицы из знати?

И, кстати, к другим претенденткам Мара тоже присматривалась. Как и они к ней. Оглядели ее, оценили, но никто особо не спешил знакомиться.

Всех девушек стайкой вела на ужин матрес Елена Фоурм. Прямая, как палка, и еще более напыщенная, чем днем. Девушки шептались меж собой, она обернулась и так глянула, что у многих охота отпала вообще открывать рот. Однако не все реагировали одинаково, было несколько девушек, одетых богаче остальных. Одна из них смерила эту Фоурм взглядом,

усмехнулась и достаточно громко сказала другой:

– Мне кажется, или кто-то здесь лишний?

А та, к которой эта девица обращалась, только скривила губы в подобии улыбки.

Вот они, истинные королевы отбора, подумала про себя Мара. И тут, словно по заказу, матрес Фоурм повернулась в ее сторону и уставилась на нее, как будто это она тут главный зачинщик беспорядков. Мара постаралась опустить глаза и не нарываться. Вовсе не хотелось, чтобы та именно на ней сорвала свое неудовольствие.

– Если вы все обсудили, извольте следовать дальше, – сухо проговорила смотрительница. – Потому что в противном случае вы опоздаете. А опоздавшие останутся без ужина.

Видимо, угроза подействовала. На Мару, у которой после той каши, съеденной рано утром, во рту маковой росинки не было, так уж точно.

– Мы поняли, матрес Фоурм, – сладко пропела та самая девица. – И не хотим опоздать.

– Я надеюсь, – процедила дама.

Повернулась и пошла вперед.

Дальше они двигались уже молча. И очень скоро смотрительница привела всех их в просторный зал, где был накрыт длинный и широкий стол. Ряды стульев с обеих его сторон, приборы. И больше ничего.

Фоурм встала в центре и сказала:

– Прошу к столу. Против каждого места пригласительные

с вашими именами. Как только вы займете свои места, подадут ужин.

Как Мара и подозревала, место ее оказалось в самом хвосте стола. Поближе к двери и подальше от того торца, где стояло резное кресло с высокой спинкой.

Место для короля? Значит, они увидят его за ужином? Сразу всколыхнулось волнение, Мара стала незаметно оглядываться, другие девушки тоже все время с интересом поглядывали в ту сторону.

Однако матрес Фоурм велела:

– Начинайте.

Слуги стали разносить угощение, ужин начался, а королевское кресло так и пустовало. Кольнуло легкое разочарование. Однако быстро прошло, она принялась за еду.

И вдруг отворилась дверь.

В зал стремительно вошел высокий смуглый черноволосый мужчина и твердым шагом пошел к столу. И Мара застыла, не донеся ложку до рта, потому что это и был король Родхар.

А мужчина, проходя мимо, на секунду замер, скользнув по ней взглядом.

И тут же пошел дальше.

Резко отодвинул свое кресло и сел за стол.

Воцарившаяся было при появлении короля тишина тут же

взорвалась ахами и вздохами. А Мара сидела, опустив глаза в тарелку. Потому что ей невольно вспомнилось, как когда-то во дворе принц Родхар со свитой из щебечущих разряженных красавиц прошел мимо нее и не заметил.

С тех пор не изменилось ничего.

Хотя нет. Изменился он сам. Теперь это был мужчина. Уверенный в себе, властный, резкий. Одним словом – король.

Она украдкой взглянула в тот дальний конец стола, где сидел король и, что уж греха таить, наиболее вероятные фаворитки отбора. Король любезно говорил с одной из них и одновременно улыбался другой очень красивой девице, сидевшей напротив. В этом было что-то ужасно циничное.

Мара медленно выдохнула, взяла отставленную ложку и принялась есть.

Наверное, это было даже хорошо, что она сидит в хвосте. И до дверей ближе, и среди всех этих девиц ее почти не видно. Вот, кстати, о девицах.

Она вспомнила, как зовут ту, с которой король говорил так любезно. Гизел рассказывала ей. Это принцесса Амелия из Грихвальда. Наиболее вероятная кандидатка в королевские невесты. А та красавица, которой он улыбался, Истелинда, дочь главного королевского ловчего. И... Нет, Мара ничего не хотела сказать, но это очень удобно, выбирать сразу и жену, и любовницу.

Тем временем слуги стали разносить горячее. И это тоже

было очень кстати, потому что той небольшой порции Маре не хватило, чтобы насытиться. Только она принялась орудовать ложкой, как тут же поймала на себе взгляд матрес Фоурм. Пришлось изобразить подобие улыбки, но на каменном лице дамы ничего не отразилось в ответ.

Похоже, эта матрес Фоурм будет бдить за ними даже во сне, подумала она и принялась есть дальше. И одновременно, чтобы не слышать смеха девиц с другой стороны стола, постаралась припомнить, что Гизел рассказывала ей об остальных претендентках.

Та, пока ее причесывала, говорила много чего. Но, к сожалению, у Мары в тот момент образовалась такая каша в голове, что она ничего толком не запомнила. Надо бы снова расспросить служанку обо всех. Но уже поподробнее.

– Вы не передадите мне горчицу?

Вопрос прозвучал неожиданно. Мара подняла глаза, к ней обращалась девушка, сидевшая напротив.

– Да, конечно, – проговорила она.

Взяла набор с судочками и передала через стол. А потом снова принялась за еду. И вдруг как будто почувствовала что-то, перевела взгляд в дальний конец стола.

Король смотрел прямо на нее.

глава 6

Волосы. Это было первое, что ему бросилось в глаза. Необычный цвет привлек внимание.

Девушка сидела с самого края стола, значит, дочь простого рыцаря из какого-нибудь медвежьего угла. Возможно, даже без земли и наверняка без приданого. Мелькнула неоформившаяся мысль и угасла.

Король прошел дальше.

У него был трудный день. Эти бесконечные счета, прошения, доносы и подати, с которыми приходилось весь день разбираться. Теперь еще надо было оказывать внимание претенденткам. Отбор только начался, а уже основательно ему надоел.

К тому же он хотел есть.

Но только Родхар сел за стол, как тут же начались ужимки, вздохи и закатывание глазок. Впрочем, в общении с девушками тоже была своя прелесть. Если их не слушать, они радуют глаз, как, например, Истелинда.

Однако на грани сознания все время бродила одна и та же неоформившаяся мысль. Девушка в самом конце стола. Он точно не видел ее при дворе. Если бы видел, запомнил. Но эти волосы...

К сожалению, сейчас он не располагал временем.

Позже надо будет разобраться, откуда она.

Так неожиданно... Мара застыла, встретившись с этим опасным мужчиной глазами, и в первый момент даже растерялась. Как сейчас себя вести? Наверное, это невежливо – просто никак не отреагировать?

Однако беспокоилась она зря.

Его величество Родхар просто перевел взгляд на дверь, встал и направился к выходу. И в этот раз он прошел с другой стороны стола, так что она даже его не видела. Но в какой-то момент, когда его шаги раздались за ее спиной, Маре вдруг показалось, что она почувствовала его взгляд.

Она еще больше опустила голову и почти уткнулась носом в тарелку.

Твердые шаги прозвучали дальше, дверь закрылась. Когда Мара наконец выпрямилась и подняла глаза, сразу же столкнулась взглядом с той девушкой, что просила передать ей горчицу. Та смотрела на нее, прищурившись, словно подозревала в чем-то.

Мара сделала вид, что не заметила.

Тем более что стоило королю покинуть зал, смотрительница отбора матрес Фоурм сразу же объявила:

– Ужин окончен. Прошу всех встать и следовать за мной.

Повернулась и направилась к дверям.

Пришлось с сожалением отложить ложку, у нее в тарелке еще пара кусочков оставалась. И, похоже, не только она не

успела доестъ, потому что раздался легкий ропот. Смотрительница немедленно обернулась и взглянула на них, словно коршун на цыплят. Ропот стих.

А Фоурм встала в дверях, наблюдая, как девушки выходят. Можно было поклясться, что она считала их по головам.

Обратный путь до крыла претенденток уже казался короче, однако Мара заметила, что на нее теперь странно косятся некоторые девушки и сама эта матрес. Но. Она была сыта, и это главное. С остальным можно было начинать разбираться завтра.

В комнате ее встречала Гизел. И, разумеется, пока та помогала ей с платьем, расплетала косы и расчесывала волосы на ночь, Мара узнала много нового об участницах отбора. А также о том, что завтра им предстоит прогулка по саду перед замком, которую почтит своим появлением король.

– Там еще будут рыцари и придворные, – загадочно поиграв бровями, сообщила служанка.

– Очень интересно, – проговорила Мара.

Без всякой задней мысли, просто так. А девушка сразу оживилась.

– Да, мадхен! – заговорила она с придыханием. – Вы там не зевайте, присматривайтесь, может, найдете себе кого побогаче в мужья. Говорят, с отбора никто просто так не возвращается, все выходят замуж!

И захихикала.

Странная ассоциация у нее вдруг возникла, Мара даже не успела понять, что к чему.

Но вот с переодеванием было закончено, служанка удалась, пожелав ей спокойной ночи. И она наконец осталась одна. Улеглась в постель, а сон не шел. Не привыкла она так празднично проводить время, да и днем выспалась. Лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок.

Вдруг шорох.

Она мгновенно замерла, напряженно прислушиваясь, даже дышать перестала. Мыши? Еще шорох. Нет, это не мыши! Ей показалось, что за дверью кто-то стоит. Но ведь здесь никого не должно быть, правда? Мара моментально слетела с постели и отворила дверь.

Прямо против нее стояла матрес Фоурм.

– Вы? – удивленно выдохнула Мара.

А смотрительница, очевидно, не ожидала, потому что отшатнулась, и что-то такое непонятное проскользнуло у нее во взгляде. Неуверенность какая-то и страх. Но она мгновенно овладела собой, вскинула голову и строго произнесла:

– Почему вы до сих пор не спите, мадхен Хантц?

– Я пыталась, – оглянулась на раскрытую постель Мара.

А эта дама немедленно усталилась на ее постель тоже. Словно хотела высмотреть, не прячет ли Мара там любовника. Ноздри раздулись, как будто она что-то вынюхивала.

Наконец смотрительница произнесла:

– Девушкам на отборе положено вовремя ложиться спать. Иначе завтра бы будете «радовать» глаз свои помятым видом и дурным цветом лица. Вы этого хотите, мадхен?

– Э... нет. – Мара поняла, что дешевле согласиться.

Дама еще раз обвела взглядом ее комнату и только после этого ушла.

И зачем она приходила?

Что за такой странный интерес к ее скромной особе?

Утром их разбудили очень рано.

Маре было не привыкать, но если *кто-то* думал поспать подольше, у него бы все равно не было шансов. Потому что матрес Фоурм самолично прошлась по все комнатам и подняла всех по команде, как солдат.

Сразу следом за смотрительницей пришла Гизел и принесла завтрак. Оказалось, что только ужины у них будут проходить в большом королевском зале. Завтракают они у себя, обедать будут здесь же. В крыле для претенденток для этого есть свой обеденный зал.

– Вот поэтому, мадхен Мара, так важно не пропускать ужин, – доверительно сообщила служанка.

Она также сообщила, что *потом* (когда потом, Мара не поняла, а та не стала пояснять) к ним на ужине будут присоединяться лорды. Какие лорды, зачем? На все эти вопросы служанка только таинственно улыбалась.

И еще Гизел сказала одну интересную фразу:

– После сегодняшней прогулки прояснится многое.

Объяснения этому, разумеется, не было тоже.

– А теперь, мадхен, давайте побыстрее одеваться. Выберите платье, вы сегодня должны красиво выглядеть.

Все это звучало странно. Однако Мара решила, что у нее слишком уж развилась подозрительность и она видит опасности там, где их скорее всего нет. И потому – да, девушка была права. Надо одеться и поторопиться, иначе зайвится эта прямая, как палка, матрес и снова будет ее отчитывать.

– Какое платье, мадхен?

Вчера, пока она была на ужине, Гизел успела подготовить все ее платья. И теперь она смотрела и думала, что надеть. Покрасивее... Невольно вспомнила того высокого и властного смуглого мужчину и неожиданно для себя показала на розовое.

– Вот это.

– И прекрасно, мадхен! Оно самое красивое. Помяните мое слово, вам в нем обязательно повезет!

Служанка еще долго тарахтела, одновременно помогая ей одеться и причесывая. Волосы она на этот раз убрала со лба назад. Часть перехватила лентами, а основную массу оставила распущенной. И сказала:

– Вот, смотрите, так красивее.

Не успела Мара ответить, как дверь отворилась. Вошла матрес Фоурм, на секунду застыла, впившись в нее взглядом,

потом сказала:

– Мара-Элизабета Хантц, следуйте со всеми на прогулку. И вышла. А Мара за ней.

В этот раз их опять вели всех вместе по коридорам, только уже в противоположную сторону. И когда они приблизились к выходу, их окружила стража. Так, в сопровождении вооруженных воинов, они сначала проследовали по вымощенному камнем и присыпанному соломой внутреннему двору замка, а потом подошли к окованной арочной двери в наружной стене.

Пока дверь отпирали большим ключом, матрес Елена Форм повернулась к ним, оглядела всех и сказала:

– Я надеюсь, на прогулке вы будете вести себя достойно и не опозорите себя.

У Мары от этого предупреждения глаза на лоб полезли.

Однако широкая, окованная железом арочная дверь уже открылась, и они по одной стали заходить в сад.

глава 7

Поскольку Мара стояла в хвосте, ее очередь проходить подошла одной из последних. Каждую из девушек матрес Форм провожала таким цепким взглядом, как будто они преступницы. Пришлось ждать, и пока ждала, Мара все перебаривала странную фразу смотрительницы.

Что значит, не опозорите себя? Так странно звучало, как будто они все вот прямо сейчас, с порога, начнут совершать какие-то непотребства и непристойности. И стража рядом откровенно смущала. Как будто их ведут не на прогулку в сад, а в застенки.

К тому же все это тянулось слишком долго.

Мара стала незаметно оглядывать высокие шпили и крыши замка. Вот крыши так крыши, каменная черепица идеально уложена. Нет, на такую ей не хватит в любом случае, можно даже не мечтать.

Наконец подошла и ее очередь заходить в сад, она шагнула за дверь и невольно замерла. Все-таки королевский сад был сказочно красив. Тут как будто был другой мир. Мара засмотрелась.

– Мадхен, проходите, вы задерживаете остальных, – прозвучал сзади тихий голос стражника.

Она тут же опомнилась и отошла в сторону стайки девушек, восторженно оглядывавшихся вокруг. Все они о чем

щебетали друг с другом и даже выглядели дружелюбнее, чем вчера на ужине.

Но вот в дверном проеме появилась матрес Фоурм. Возникшее было ниоткуда хорошее настроение так же в никуда и исчезло. Мара уж думала, что эта дама и дальше будет бдительно следить за каждым их шагом, однако смотрительница опустила на скамью недалеко от входа и заявила:

– Можете прогуливаться по саду, но не делайте ничего такого, чтобы мне пришлось за вас краснеть!

Еще и платочком им махнула для верности. Мара поверить не могла, это означало – свобода? Однако и тут были свои нюансы. Потому что, оставшись предоставленными сами себе, претендентки отбора немедленно разделились на группки. И сразу стало ясно, кто с кем и против кого будет дружить. Судя по тому, как на нее косились после вчерашнего, Мара поняла, что с ней не будет дружить никто.

Ну что ж. Так, наверное, даже лучше. Можно спокойно пройтись по саду и насладиться красотой.

Дома у Мары был крохотный садик, покойная матушка любила возиться в цветнике. Отец даже однажды привез ей черенок розы. Это было настоящее сокровище! Как Маре все время хотелось подойти и понюхать драгоценные цветы...

Зимой куст вымерз. Но на следующий год папа привез еще, потом его берегли как зеницу ока. Этот куст жив до сих пор.

А тут была целая аллея из розовых кустов. И другие ал-

леи с кустами жасмина и сирени, азалии, спиреи и барбариса и еще многое другое. Все это перемежалось живой изгородью из ровно стриженной бирючины и туи. Аллеи между собой пересекались, из одной в другую вели дорожки. Искусно созданный прекрасный лабиринт, королевский садовник постарался на славу. Здесь можно было бродить целый день и любоваться красотой.

Группки девушек стали разбредаться по саду. Мара некоторое время плелась в хвосте, потом свернула влево на боковую дорожку и дальше шла вдоль стены, увитой плетистыми розами. Красота, яркие цветы, все эти дурманящие ароматы, ветерок, пение птиц. При желании можно было представить себе, что она тут совершенно одна.

Единственное, что сейчас немного омрачало существование, – это новые туфли. Впереди по правую руку была беседка, вся оплетенная вьющимися розами. О, это было именно то, что нужно. Мара добрела до беседки, зашла туда и усеялась на скамейку. А потом с наслаждением скинула туфли и прикрыла глаза. Вот теперь счастье было полным.

Но только она расслабилась, как рядом послышались шаги и в беседку вошли двое.

Король. И с ним эта красавица Истелинда, дочь ловчего. Он вел ее под руку.

Мара так и застыла, уставившись на них, и не сразу сообщила, что надо надеть туфли. Истелинда кривилась и демонстративно смотрела в сторону, а король смотрел прямо

на нее. Его тяжелый взгляд скользнул по ней, оглядывая всю с головы до ног, и задержался на...

Боже, когда Мара поняла, куда он смотрит, быстро сунула ноги в туфли. Истелинда проводила ее испепеляющим взглядом, а она пробормотала:

– Прошу прощения.

И бочком пошла к выходу.

А потом, все убыстряя шаги, устремилась подальше от туда.

Шла и морщилась, испытывая досаду. Невольно вспомнились слова этой противной матрес Фоурм:

«Я надеюсь, на прогулке вы будете вести себя достойно и не опозорите себя»

«...но не делайте ничего такого, чтобы мне пришлось за вас краснеть».

Так глупо!

Да если бы она знала, что туда кто-то войдет! Стоило представить физиономию смотрительницы, хотелось закрыть глаза и застонать. Показать босые ступни в одних чулках! Все-таки она умудрилась повести себя неприлично.

Но было и другое.

Она прекрасно поняла, с какой целью его величество собирался уединиться в беседке с этой Истелиндой. Нетрудно было догадаться, что она сорвала им свидание. Ну уж простите! Она же не знала. Иначе близко не подошла бы к их любовному гнездышку.

С другой стороны, было так обидно. Эта матрес чуть ли не по головам их считает и даже во сне контролирует, а тут – такое. Профанация какая-то, двойной стандарт.

От всего этого остался неприятный осадок.

Правда, Мара так и не могла понять, что же именно обижает ее больше.

Она быстро шла по дорожке, опустив голову, и чуть не наткнулась на кого-то. Немедленно остановилась и вскинула голову. И на всякий случай попятилась назад.

Перед ней стоял мужчина, уже пожилой, но еще молодящийся. Это видно было и по его модным сапогам, и по отороченному мехом камзолу, и по аккуратно прилизанной прическе. Мужчина разглядывал ее с таким умилением, словно она диковинная кукла или лакомство какое-то.

А вокруг никого, только цветущие заросли.

Ей вдруг стало страшно. Снова вспомнились слова матрес Фоурм, не самые приятные мысли полезли в голову. Она здесь с этим человеком одна. Возможно, Истелинде и сойдет с рук, а если ее вот так застанут, она точно не отмоется.

– Здравствуйте, – проговорила Мара.

И стала осторожно пятиться назад, понимая, что бежать нельзя, это может спровоцировать в нем инстинкт охотника. А тот, словно услышал, вдруг шагнул к ней. Улыбка расплылась в пол-лица.

Она уже хотела наплевать на все и бежать, но тут за ее спиной раздался резкий голос:

– Малгит? Кого-то ищешь здесь, барон?

Король!

Так попасться... Боже! Она сразу обернулась и застыла. Родхар был один, без Истелинды. Смотрел на мужчину, а ее как будто и не замечал вовсе. Маре казалось, что ледяные иглы впиваются в позвоночник.

– Э... Сир, я искал вас, – проблеял этот престарелый барон и стал раскланиваться.

А король прошел мимо нее, остановился, искоса взглянув в ее сторону. А потом повернулся к барону и грозно вскинул бровь.

– Ну?

Тот начал бормотать что-то о пошлинах и торговле. Мара не стала дослушивать. Как только мужчины заговорили между собой, она бегом припустилась по дорожке и остановилась, только когда вышла на самую широкую аллею.

глава 8

Ох как она неслась! Она и сейчас не чувствовала себя в безопасности. Но здесь было довольно много девушек – участниц отбора, и Мара, стараясь не привлекать внимания, пошла медленнее. Теперь надо было успокоить бешено колотившееся сердце и дыхание.

Она сделала вид, что разглядывает выюнки на шпалере, а сама стала осторожно оглядываться. И тут столкнулась взглядом с матрес Фоурм.

Какое у той было лицо!

На нем отражались одновременно недоумение, злость и паника. Смотрительница оглядела ее, а потом нервно дернулась и стала шарить глазами по сторонам. А Мара потихоньку переместилась ближе к группе девушек, окружавших Амелию, принцессу Грихвальда, и поздоровалась.

На нее покосились и едва кивнули. Но сейчас это было не так уж важно, главное, что она уже не одна. Не так опасно. Немного отлегло от сердца, и отпустил страх, зато тупой иглой стало колоть разочарование. Всего одна прогулка, и столько неприятного. А ведь так хорошо начиналось. И вся эта красота...

Померкла разом, когда она увидела, как к ним приближается в окружении нескольких девиц красавица Истелинда. Дочь главного ловчего смотрела прямо на нее. Ее прищурен-

ный взгляд не сулил ничего хорошего.

А Мару зло взяло. Она вскинула подборок, оглядела кра­савицу и отвернулась. И тут заметила, что в саду, оказыва­ется, прогуливаются и другие мужчины! В отдалении видне­лось несколько фигур. Но как же так?

Только вроде немного успокоилась и отошла, а тут снова начала накатывать паника. Ей здорово повезло. Ведь если бы не король, неизвестно что могло произойти.

Она невольно стала искать взглядом короля, а его нигде не было видно. Сделала еще несколько шагов по инерции и услышала окрик:

– Мадхен? Вы что, под ноги не смотрите?

На нее неприязненно смотрела девица, которой Мара чуть не наступила подол.

– Простите, – извинилась Мара.

Но та уже отвернулась, демонстративно отдернула платье и вместе с двумя другими девицами двинулась дальше. А до Мары донеслись реплики:

– Вылезают из медвежьих углов!

– Не понимаю, зачем посылать приглашения кому по­па­ло?

– Такова традиция, вы же знаете.

Ну и пусть, подумала она и двинулась в обратную сторону.

И тут откуда-то сбоку на широкую аллею стремительным шагом вышел Родхар Айслинг* – Ледяной Клинок. Опять она натолкнулась на него взглядом и замерла на месте. А тот,

не глядя по сторонам, прошел мимо и направился прямо к выходу.

Мара еще смотрела, как высокая мощная фигура исчезает за дверью, когда смотрительница громко объявила:

– Прогулка окончена! Тех из вас, кто еще остался на отборе, прошу следовать за мной!

Что? Почему она так сказала? Мара стала с недоумением оглядываться, однако пошла со всеми. И уже по пути из разговоров поняла, что двух девушек во время прогулки застали в весьма двусмысленных ситуациях. Теперь им предстоит либо с позором вернуться домой, либо принять предложение соблаздивших их лордов.

– Но, увы, – тихо говорила одна из девиц. – Им теперь придется попрощаться с приданым. Такое им родня не простит.

– Я думаю, все не так страшно, – парировала другая. – Всегда можно по-родственному договориться.

Мара слушала, и у нее на глаза на лоб лезли. Получалось, она просто чудом избежала позора?

Когда добрались до крыла претенденток, матрес Фоурм объявила:

– У вас есть полчаса, чтобы привести себя в порядок, а потом будет обед. После обеда до ужина время в вашем распоряжении. Постарайтесь потратить его с пользой. Потому

что перед ужином...

Матрес взяла паузу. Обвела всех взглядом и как-то странно уставилась на Мару.

А дальше было еще лучше.

– Вас отведут в большую гостиную, - матрес снова взяла паузу и даже понизила тональность голоса, а потом резко добавила: – И я очень надеюсь! Что вы будете вести себя достойно.

Звонящая тишина повисла после ее слов. Девушки нервно переглядывались, а Мара невольно вспомнила произошедшее в саду и похолодела. Убедившись, что произвела на всех должное впечатление, смотрительница сказала:

– А теперь можете расходиться по комнатам. И прошу меня не беспокоить просьбами в эти полчаса, я очень устала.

Первое, что пришло Маре в голову, – а так можно было?

Потом она подумала, что в последнюю очередь обратилась бы к этой сухой неприятной даме с просьбой. Впрочем, это уже не имело значения, потому что она добралась до своей комнаты. Там ее уже ждала Гизел и с ходу набросилась с вопросами:

– Ну как, мадхен? Все прошло хорошо?

Хорошо? Если учесть все нюансы, наверное.

– Да, – Мара через силу улыбнулась. – Помоги мне снять это платье.

Легкое замешательство отразилось на лице служанки, но она тут же справилась с собой и засуетилась:

– Ах, конечно! Простите, я такая недогадливая.

Стала распускать шнуровку и помогать ей снять платье. И попутно задавала осторожные вопросы.

– А что, мадхен, королевский сад так красив, как про это говорят?

– Да, сад очень красив, – сказала Мара. – Очень.

И очень опасен.

– И... кхम्म... вам там никто не понравился?

– Кого ты имеешь в виду? – Мара резко обернулась.

– Ну, – служанка повела бровями. – Наши девушки говорят, что в сад позволяется заходить лордам.

Мару как кипятком ошпарило. А служанка вдруг сказала, очень проницательно глядя ей в глаза:

– Вы уж простите, мадхен, но невестой нашего короля станет только одна. А остальным надо подумать о будущем и присмотреть тут себе мужа побогаче.

Сразу вспомнился тот старикан, кажется, его звали барон Малгит. Ценный совет. В этом было столько голой правды, что Мара даже не нашла в себе сил обидеться. С определенной точки зрения, и даже наверное, служанка была права.

Однако пауза затянулась.

– Подай мне серое платье, – проговорила она. – И сделай что-нибудь с волосами.

До обеда всего полчаса, не стоило злить смотрительницу опозданием.

Матрес Фоурм действительно требовался отдых. А еще ей нужно было хорошенько все обдумать, потому что она пребывала в серьезных сомнениях. Два дела прошли удачно. А эта мадхен Хантц...

У нее просто голова пухла.

Почему сорвалось, когда все было выверено до мелочей? Как теперь быть?! Ведь старый барон Малгит половину оплатил заранее. Он может потребовать деньги назад, а у нее просто пальцы поджимались, когда она об этом думала.

Но больше всего матрес Елена Фоурм боялась, что дело всплывет. Если все это дойдет до короля, она может оказаться крайней.

И тогда...

Думая об этом, она уже готова была вернуть барону задаток. Но пальцы сжимались...

Те несчастные полчаса, которые эта честная дама могла себе выделить на отдых и размышление, пролетели моментально. Она, кряхтя, встала, чтобы отвести претенденток на обед.

А за обедом все присматривалась к этой Маре Хантц и гадала, что же на самом деле произошло, почему же налаженное дело сорвалось? Потом решила – была не была.

В этот раз им велено было подготовиться на час раньше.

И все равно оставалось лишних два часа времени, которое надо было как-то убить. А Мара совершенно не привыкла бездельничать. Дома всегда было столько работы, а тут совершенно нечем заняться. Она прилегла, не раздеваясь, прямо поверх покрывала и попыталась уснуть.

Ничего не вышло, только повертелась зря. И была даже рада, когда явилась Гизел. А та стала раскладывать платья и бодро заявила:

– Пора одеваться, мадхен! Какое выберете?

Какое? Мара не знала. Было там одно синее со вставками. Довольно красивое, но не такое яркое, как розовое. А ей как раз и хотелось быть как можно меньше заметной.

– Вот это.

Но неожиданно это платье оказалось идеальным. Глубокий синий цвет скрадывал все лишнее и подчеркивал фигуру, она казалась в нем еще стройнее. Светлая кожа, светлые волосы, все это сильно бросалось в глаза. Наверное, из-за контраста.

– Вы такая красивая, мадхен! – выдала служанка, подкалывая в прическу последние пряди. – Вот увидите, вам обязательно повезет.

– Дай-то Бог, – пробормотала Мара.

За этим их и застала смотрительница. Оглядела ее и произнесла:

– Мара-Элизабета Хантц, следуйте за мной.

И Мара вышла за ней следом, думая о том, что теперь мо-

жет ждать ее в гостиной, какая опасность?

Примечание:

* – Айслинг (Ледяной Клинок) – меч, обладающий магическими свойствами.

глава 9

Ну вот, теперь их на две меньше, подумала Мара, увидев участниц отбора. Девушки теперь выглядели серьезнее, очевидно, тоже сделали соответствующие выводы. Самой же Маре это все напоминало охоту. Как будто стая волков загоняет отару, отделяя овечек по одной. А главный волк, высокий, сильный, темноволосый... Следит за охотой и развлекается.

Пока шли опять по коридорам, в голове вертелось много разного.

Сначала она не могла понять, почему король позволяет кому-то охотиться на его территории. Но после слов служанки поняла – он уже наметил себе добычу. А остальные ему не нужны. И да, наверное, Гизел была права, надо подумать о будущем и присмотреть тут себе мужа побогаче. Но ее мутило от этой мысли.

Но вот наконец они остановились в холле перед высокими резными дверями, и матрес Фоурм сперва оглядела пронизывающим взглядом каждую, а потом начала:

– В королевской гостиной...

Ох, как она нервничала.

Утреннее происшествие в саду не давало ей покоя. Надо было хоть немного прояснить ситуацию. И за те два часа,

что у нее оставались перед походом в гостиную, она постаралась найти барона Малгита и выяснить у него, почему сорвалось. Но старый перечник ничего толком не смог сказать, кроме того, что, когда он только собирался приступить к выполнению плана, ему встретился король.

Когда Елена Фоурм это узнала, у нее чуть не случился сердечный приступ.

– И??? – спросила она, не в силах продохнуть.

Ведь если даму-смотрительницу снимут с отбора и с позором отошлют, плакали тогда ее денежки. Она останется без должности и без пенсии. Но из того, что рассказывал Малгит, получалось, что король просто спугнул девчонку. Та убежала, и все.

Все ли?

Матрес Фоурм никак не могла составить точного представления, произошло это случайно или... Вот это «или» заставляло ее беспрестанно вздыхать и хвататься за сердце.

Однако, если бы король что-то заподозрил, он бы выдал какую-нибудь реакцию? Наверное. А раз тишина, то... Она выдохнула еще раз.

– Будьте внимательны и не теряйте голову. Я ясно выражаюсь? – проговорила смотрительница.

Ответом ей были нервные смешки и нестройный хор голосов:

– Да, матрес Фоурм, конечно.

– Вот и хорошо. Следуйте за мной.

После таких предупреждений Маре стало казаться, что та ведет их в клетку с хищниками. Однако они ступили через порог, и на ее опять нахлынуло то же чувство, что и в королевском саду.

Первый взгляд, и уже хотелось охватить все.

Большая королевская гостиная представляла собой огромный двухсветный зал. Туда из холла вела широкая лестница с красивым резным ограждением. Мара еще никогда не видела такой искусной работы. В противоположном конце зала был камин, такой большой, что в нем полыхало целое дерево.

Резные панели из мореного дуба по стенам, охотничьи трофеи, дорогое оружие. Свечи горели везде. В высоких напольных подсвечниках, в широкой тяжелой люстре. Но откровенно поразил Мару мозаичный пол, здесь из цветных каменных плит был выложен самый настоящий рисунок.

А вот кресел было всего два. Одно, как Мара поняла, королевское, а для кого же другое, додумать не успела.

– Внимательно смотрите под ноги, – раздался голос смотрительницы. – И не создавайте толчею на лестнице.

Предупреждение последовало вовремя. Потому что в спешке можно было наступить на подол.

Король пока отсутствовал, но в большой королевской гостиной уже было несколько мужчин. Они стояли у стен и

смотрели на них снизу вверх. Это еще больше усиливало впечатление охоты.

Мара осторожно спустилась одной из последних. Когда все оказались внизу, смотрительница проговорила:

– Можете прогуливаться по залу и ожидать его величество.

И многозначительная пауза.

После этого она отошла к стене и присела на крохотный выступ под панелью. А их, значит, снова предоставили самим себе. Прогуливаться не особо хотелось, но не стоять же в центре. Опять вспомнилось, что ей советовала Гизел, и Мара стала осторожно приглядываться к мужчинам в зале.

В конце концов, в словах служанки был резон.

Группа девушек, к которой она попыталась примкнуть, медленно перемещалась по залу. Все они рассматривали дивный декор, и тут, кстати, выяснилось, что пространство под лестницей имеет довольно широкий сквозной проход. И около этого прохода она увидела того самого старикана, с которым едва не столкнулась в саду.

Мара чуть не шарахнулась в сторону. Но вовремя опомнилась, таким поведением она только лишнее внимание привлечет. А этот старикан буквально поедал ее глазами.

Боже, подумала она и стала мелкими шажками переходить в противоположную сторону, чтобы скрыться за спинами других девушек. Почти удалось.

Но в это время отворилась дверь зала. На верхней пло-

щадке лестницы появился король и быстро сбежал по лестнице.

Это было странно завораживающее зрелище. Родхар напомнил ей ветер. Рослый, сильный, широкоплечий мужчина быстро и ловко двигался. Мара вдруг почувствовала, что не может тронуться с места, застыла, глядя на него.

А он ступил с последней ступени на пол и безошибочно нашел взглядом ее.

В следующий миг король уже смотрел в другую сторону и уверенно шел вперед. Стремительный, недоступный. Ее как будто обдало волной его силы, но эта волна уже пронеслась, и Мара вдруг почувствовала себя выброшенной на песок.

Она тут же одернула себя и пожалала плечами, глупо было принимать это на свой счет.

Остальные участницы отбора немедленно потянулись за королем и уже окружили его, щебеча что-то восторженное. Мара, конечно же, присоединилась ко всем. Но вперед лезть не стала, короля обступили, и ей пришлось бы протискиваться и работать локтями, а этого не хотелось делать. К тому же непонятное чувство никуда не ушло.

Потому она осталась стоять с краю толпы девушек, жаждущих королевского внимания, и стала незаметно оглядываться. И тут же столкнулась взглядом с матрес Фоурм. Та уже не сидела на приступочке, но это и понятно, сидеть в

присутствии короля допускается только за столом или кому он позволит сам. Странно было другое – смотрительница выглядела нервной и буквально прожигала ее пристальным взглядом.

Мара невольно поежилась. С чего бы, спрашивается, такое внимание к ее скромной особе? Или она делает нечто противоречащее правилам приличия? Стоило об этом подумать, сразу вспомнились ее утренние похождения в саду. Знала бы матрес, что она сняла туфли в беседке и в таком виде попала на глаза королю...

Она отвела взгляд и стала смотреть в другую сторону. Но там был этот престарелый барон, кажется, Малгит. Увидел, что она на него смотрит, и изменился в лице. Заулыбался, шагнул ближе. Пусть это было сто раз невежливо с ее стороны, Мара немедленно отвернулась.

А вокруг его величества тем временем образовался плотный кружок. Разумеется, тут были фаворитки отбора, принцесса Амелия и леди Истелинда, а также другие девицы, имевшие возможность похвастаться знатностью и богатством. Но сейчас к этой группке присоединились и мужчины придворные. И Мара стала прислушиваться к разговору.

А оттуда доносились голоса и басовитый и звонкий мужской смех. Король даже смеялся по-особенному. Или ей это казалось? Между тем один из богато одетых придворных проговорил:

– Сир, во времена вашего батюшки отбор проходил на-

много веселее. Устраивались состязания, охоты и балы.

Уверенный тон, едва обозначенный поклон и легкий смешок. Все говорило о том, что этот крепкий мужчина лет пятидесяти пользовался особым расположением его величества.

– Ах, батюшка!.. – хихикнула Истелинда.

На нее неодобрительно покосилась принцесса Амелия, а Мара поняла, что это и есть главный королевский ловчий.

– Да что ты, Белмар? Не боишься объявлять вслух, насколько ты древний? – жестковато пошутил король.

– Нет, ваше величество, – поклонился тот, – Потому что в те времена я был мальчишкой-пажом. Но я в любом случае готов пожертвовать собой, лишь бы у девушек была возможность показать свои таланты.

Король засмеялся, откинув голову.

– Таланты, говоришь? Что ж, будет им и охота, и балы!

И направился к своему креслу. Сел в него и оглядел всех. На секунду, ровно на один миг, его взгляд, острый, как укол клинка, остановился на Маре. Или это ей показалось. Может быть.

Потому что он уже повернулся к принцессе Амелии и с любезной улыбкой пригласил ее сесть рядом. И тут же заговорил с главным ловчим о том, что хорошо бы устроить охоту прямо завтра.

– Раз уж девушки жаждут показать во всей красе свои таланты.

А вот эту фразу Родхар произнес, глядя на Истелинду. Та немедленно заулыбалась и горделиво повела плечом.

Ну вот, вроде бы и все? Интересы короля обозначены предельно четко. Впрочем, она ведь знала с самого начала. Теперь главное – продержаться до конца отбора, получить свое вознаграждение и...

Мара уже представляла, как будет заниматься починкой крыши, как вдруг услышала резкий королевский окрик:

– Малгит! Что ты там прячешься под лестницей? Подойди сюда, барон!

Она сжалась от неожиданности и похолодела.

– О, нет, сир, я не прячусь, – проскрипел барон, оглядываясь на проем под лестницей.

– Вот и хорошо, – с нажимом проговорил Родхар. – Иди сюда и повтори, что ты утром рассказывал про подати.

Барон подошел, начал что-то лепетать. Король слушал его, но смотрел при этом на нее, а его тяжелый взгляд ощущался кожей. Все это выглядело так странно, но не продлилось долго.

Мажордом доложил, что ужин готов.

В этот раз за ужином должны были присутствовать лорды. Это делало обстановку более раскованной и одновременно более напряженной. Мужские разговоры, смех, хищный блеск глаз – все вместе действовало на нервы.

Мара уже сто раз сказала себе, что Гизел была права и к лордам надо присмотреться, а за столом это будет сделать удобнее. Но, убей Бог, ей хотелось закрыть глаза. Еще матрес Фоурм все время зыркала в ее сторону, что тоже не добавляло уверенности и спокойствия.

Когда вошли в большой зал, стало ясно, что здесь произошли изменения. Места за столом для участниц распределялись не совсем так, как вчера. Появилось больше приборов, Мара сразу поняла, что это для лордов. Но если за каждой участницей место было закреплено, то остальные места оставались свободные.

Но вот смотрительница произнесла:

– Прошу к столу. Занимайте свои места и не задерживайте его величество.

По заведенному при дворе Айслингов протоколу отбора, сначала за стол садились дамы, потом занимал свое место король. И только после этого предлагалось сесть лордам.

Девушки расселись быстро. Сразу вслед за этим прошествовал к своему креслу король. Рядом с ним, естественно, сидели фаворитки отбора, а Мара заняла свое место в дальнем конце стола. Ей почти ничего не было видно за головами, но так даже лучше, привычнее и надежнее.

Оставалось только дожидаться, когда рассядутся лорды и начнут подавать ужин. Она уже приготовилась поесть относительно спокойно, потому что от всей этой нервной обстановки у нее живот подвело. И тут увидела, что прямо против

нее садится барон Малгит.

Честно? Стоило увидеть его улыбку, у нее возникло такое чувство, как будто она в ловушке. Кулаки сжались, она опустила голову и спрятала руки под стол.

– Что ты там делаешь, Малгит?

Прозвучало резко и неожиданно.

– Я... сир? – забормотал тот.

Все разом замерли и подались назад. Теперь короля было хорошо видно, и почему-то стало тревожно.

– Иди сюда, поближе, барон! А то я тебя оттуда плохо вижу, – насмешливо проговорил Родхар, опершись локтем о стол.

– Да, да, сир... Я сейчас. Благодарю!

Барон засуетился, ища место поближе, а Мара выдохнула с облегчением.

А в зале появились слуги, стали разносить еду. Мужчины занялись разговорами о предстоящей охоте. Она немного расслабилась и наконец смогла поесть с аппетитом. Можно было считать, что ужин прошел хорошо. Но когда они поднялись из-за стола, король вдруг громко проговорил:

– Матрес Фоурм! Проследите, чтобы все участницы были готовы к началу охоты.

И Мара невольно напряглась. Потому что обращался он к смотрительнице, а смотрел при этом на нее. Это был быстрый взгляд и какой-то... Слишком острый.

Потом матрес Фоурм вела их обратно в крыло претендентов и все время вздыхала так тяжело, что одна из девушек не выдержала, спросила, не плохо ли ей. Смотрительница разом вызверилась на всех, и дальше они двигались молча.

Уже там, в крыле, перед тем как отпустить их всех спать, матрес Фоурм строго предупредила:

– Подъем будет ранний. Кто проспит, останется без завтрака, – и обвела всех взглядом. – Я надеюсь, вы все умеете ездить верхом?

Выдержала паузу и добавила:

– Потому что в противном случае вам придется сидеть в поле и ждать, когда охота закончится. И, – теперь смотрительница почему-то уставилась на нее. – Я надеюсь, вы все будете вести себя пристойно!

После таких наставлений Мара просто стрелой неслась в свою комнату.

глава 10

Едва она ступила за порог и выдохнула, как тут же пришлось отвечать на вопросы служанки. Гизел помогала ей снимать платье, а у самой рот не закрывался.

– Ну что, мадхен, как прошло? Говорят, там были лорды?

Да что же это такое! Маре просто хотелось взвыть, но она кивнула:

– Были.

И добавила, вспомнив о том, что ее волновало:

– Лорд Белмар упомянул, что раньше отборы проходили веселее. И предложил его величеству устроить охоту.

– И что король? – служанка аж замерла, забыв про то, что надо расчесывать Маре волосы.

– Король согласился.

– Это же хорошо! – воодушевилась та и сразу задумалась, глядя в сторону. – Жаль, мадхен, что у вас нет с собой красивого костюма для охоты.

– Да, – с досадой проговорила Мара. – Это потому что пришлось собираться слишком быстро. Ничего, поеду в том, что есть.

Гизел глянула на нее серьезно и сказала:

– Мадхен, ну вы там осторожно. А то будет скачка, неровен час, зацепитесь за ветку, обтреплется подол.

Об этом Мара думала тоже. Как и о предупреждении

смотрительницы. Она уже стала всерьез рассматривать возможность отсидеться в поле, пока будет идти охота, во всяком случае, платье уцелеет. И уж сидя в поле у всех на виду, она точно не сможет сделать ничего непристойного.

В конце концов она махнула на все рукой и легла пораньше, чтобы проснуться вовремя. Потому что, если проспит, с матрес Фоурм станется оставить ее без завтрака.

Во сне ей снились волки.

Большая стая, голодные. Они наступали со всех сторон, их глаза горели угольками во тьме. Было так страшно, она уже слышала их шумное дыхание и звериный запах. Мара отступала, пятилась куда-то в темноту.

Сено за спиной. Откуда она знала, что сено за спиной? Ведь она не могла обернуться.

И вдруг! Словно факелы осветили перед ней круг, и в этот круг неожиданно впрыгнул огромный черный волк. Он был самый страшный! Мара хотела бежать. А он так страшно зарычал, скаля огромные зубы, и пошел на нее. И она замерла на месте.

Надвигался, а у него когти! Широкая грудная клетка от тяжелого дыхания ходила, как кузнечные мехи, глаза горели злобой, из страшной пасти вырывалось рычание.

Вот... Он уже близко! Рядом совсем! Сейчас он ее сожрет...

Волк подошел вплотную и начал ластиться к ней.

Дальше она ничего не видела, все подернулось темнотой. Но кошмар так подействовал на нее, что она даже во сне чувствовала себя измученной. Утром едва нашла в себе силы проснуться. И то потому, что с утра пораньше ее бесцеремонно разбудила Гизел.

– Вставайте, мадхен Мара! Иначе останетесь без завтрака, а охота может затянуться надолго.

Она села на кровати, потирая шею и все еще вспоминая свой кошмарный сон. К чему это было? Дали знать себя усталость и вчерашние ощущения? Или сон был вещий?

Потом быстро встала, умылась и съела принесенный служанкой завтрак. А та, пока Мара ела, успела сообщить ей все последние новости. И в частности:

– Наши сказали, что другие девушки будут одеты красиво, – она многозначительно вскинула палец. – Значит, нам тоже нужно! Так что, мадхен, выбирайте лучшее из того, что у вас есть.

У Мары и так мозги были заморочены, она еще в себя не пришла с ночи. Наверное, потому и сказала:

– Хорошо, давай тогда розовое.

Служанка сразу разулыбалась.

– Вот и правильно, мадхен! И давайте уже одеваться, а то матрес Фоурм сейчас придет.

И стала быстро захихивать ее в розовое платье. Пока одевались, пока служанка накручивала ей на голове плотные косы, Мара не раз усомнилась в своем выборе. Но менять сейчас что-либо уже было поздно. Она попросту не успеет переодеться, и неизвестно потом, что выкинет смотрительница.

Действительно, только-только Гизел успела закончить с ее прической, явилась матрес Фоурм. Увидела ее платье, застыла, глядя на нее как-то странно, потом словно очнулась, нервно сглотнула и проговорила:

– Мара-Элизабета Хантц, следуйте за мной.

Уже который раз Мара слышала от нее эту сухую формулу, и каждый раз у нее мороз продирает по коже.

Смотрительница шла впереди, прямая, как палка, Мара за ней. Часть девушек, участниц отбора, уже стояли в холле. Но тут были не все.

– Ждите здесь, – проговорила матрес Фоурм.

А сама отправилась за оставшимися девицами. Понятно за кем, не хватало двух фавориток отбора. Пока смотрительница отсутствовала, девушки косились друг на друга, оценивая наряды, и потихоньку переговаривались. Мара особо не вслушивалась. Но да, про себя отметила, что Гизел не солгала, все постарались принарядиться.

Ждать пришлось довольно долго.

Очевидно, для кого-то тут все-таки были особые условия,

потому что появились обе претендентки с опозданием. И да, тут было на что посмотреть. Сначала вышла красавица Истелинда в эффектном костюме для верховой езды. Маленький черный дублет, оставлявший открытыми шею и грудь, едва прикрытую тонкой батистовой сорочкой. И ярко-красная юбка.

По толпе девушек пронесся вздох зависти и восхищения. А Истелинда горделиво оглядела всех. На секунду задержала взгляд на Маре, шлепнула хлыстиком по ладони и брезгливо поморщилась. Последней появилась принцесса Амелия. Принцесса была одета строже, во все черное, но тоже смотрелась весьма эффектно.

Мара вдруг ощутила себя такой дурой. Все эти ее потуги, розовое платье...

Но зато теперь все были в сборе. И пока они, плавно двигаясь по коридорам замка, выбрались наружу, настроение понемногу пришло в норму. Потому что...

Ясное утро, день обещал быть солнечным. Охота вот-вот должна была начаться. Но прежде каждой участнице полагалась лошадь. У некоторых девушек из знатных семей лошади были свои. Остальным предоставили из королевских конюшен.

Король со свитой и лорды стояли в стороне. Оттуда слышались шум и гомон, смех, рожки и лай собак. Маре казалось, что она слышит в этом шуме тот особенный смех сильного, уверенного в себе мужчины. Хотя, конечно, ей лучше

было подумать о том, чтобы поскорее получить лошадь. Потому что почти все девушки уже были верхом, а мужчины начали проявлять нетерпение. Не стоило задерживать.

Конюх как раз вывел смирную на вид почтенную рыжую лошадь, и Мара собиралась уже подойти. Однако тот сказал:

– Нет, мадхен, это не для вас.

Ну что ж, нет так нет. Мара отошла в сторону. И тут конюх окликнул ее. Она повернулась и не поверила своим глазам – он вел под уздцы небольшую изящную лошадку серебристой масти.

– Вот ваша, мадхен, извольте.

Она изумилась, оглянулась даже, нет ли ошибки.

Родхар искоса наблюдал за тем, что происходит на конюшне, а сам посмеивался шуткам и нетерпеливо притопывал. И лишь один раз король замер, глядя, как конюх подводит лошадь девушке в розовом платье. Он специально подобрал для нее кобылку такой же масти, как и ее волосы.

Но вот она села в седло. Король медленно выдохнул и дал отмашку.

Охота началась.

глава 11

Король выступил первым, за ним свита, лорды, псары с собаками. И, конечно же, они, участницы отбора. Все это шумное, гомонящее стронулось с места в один миг, но пока что шагом. Потому что прежде следовало выехать за город в поле, и там уже начнется основная забава.

А пока двигались по улицам города, было хорошо заметно, насколько все девушки по-разному держатся в седле. Для одних ездить верхом было привычным занятием, а кто-то кособочился на лошади, словно курица на заборе.

Король был не один. Красавица Истелинда ехала слева от него рядом со своим отцом, главным королевским ловчим, и звонко хохотала над какими-то шутками. Принцесса Амалия, восседая верхом на гнедом жеребце, молча ехала справа.

Обе время от времени бросали друг на друга быстрые ревнивые взгляды. Глядя на них, Мара подумала про себя – ведь все очевидно, правда? И обе вынуждены были с этим мириться. Хорошо, что ее это не касается.

Процессия растянулась. Замыкали ее стража и повозка, в которой тряслась матрес Фоурм. А Мара старалась держаться ближе к середине, не вырываться вперед, но и не отста-

вать, ее серебристая кобылка шла ровно, легко переставляя тонкие ноги и вскидывая небольшую изящную голову.

Пусть семья Мары была небогата, и сама она не слишком искушена, но даже она понимала, что такая лошадь может стоять целое состояние. Ехала и терзалась сомнениями, не произошла ли какая-то ошибка. Впрочем, если даже произошла, в этом не ее вина.

Разумеется, ее лошадь заметили. Многие обращали внимание на редкий серебристый окрас и провожали Мару неприязненно-завистливыми взглядами. Но это можно было перенести. Главное, что старый барон Малгит торчал где-то поблизости от короля.

Но вот процессия выбралась за городские ворота, можно было уже переходить на небыструю рысь. Все это было интересно и невольно будило азарт. Им еще предстояло немного проехать по хорошей дороге, а дальше они свернули в сторону поляны, недалеко от которой начиналась опушка леса.

Здесь уже все было подготовлено, для тех, кто намеревался ждать, был разбит маленький походный лагерь. Для тех, кто хотел перекусить, расставлены столики и даже установлена палатка с королевским штандартом. Мара еще удивилась, зачем здесь палатка, ведь король, кажется, не собирался задерживаться. Или она чего-то не поняла? Но спрашивать не стала.

А матрес Фоурм решила охоту переждать. Она устроилась у одного из столиков, но прежде, конечно, прочла им нота-

цию. Это уже даже не обижало, потому что стало привычным. Она пропустила слова смотрительницы мимо ушей и стала оглядываться по сторонам.

Видно было, что мужчины уже готовятся. Значит, вот-вот и уже надо будет выезжать. Мара не удержалась, искоса взглянула на короля. Зачем? Не знала сама.

Он пил вино из кубка, слушал, что говорила леди Истелинда, и улыбался уголком рта. Но смотрел на нее. Мара смутилась, этот взгляд поверх кубка... самый настоящий волчий. К счастью, в этот момент подали сигнал к началу. Король отбросил кубок, хлестнул коня и первым понесся к лесу.

Несколько долгих секунд она так и стояла в растерянности, потом поскакала вместе со всеми.

Впереди была солнечная опушка, а дальше вся эта огромная толпа с гиканьем врзалась в лес. Дамы со смехом неслись наперегонки. Мару тоже захватил общий порыв. И поначалу все было понятно.

Ей ведь приходилось бывать на охоте. Отец, когда был жив, иногда брал Мару с собой, а матушка оставалась дома. Правда, собак у них было всего две, но одна настоящая борзая. Мара невольно улыбнулась воспоминаниям. В них было солнечно и светло, почти как...

Но вокруг уже было не так светло и солнечно.

Лес неожиданно обступил их со всех сторон и укрыл тенью. А вся огромная толпа охотников растянулась и рассредоточилась группками. Король со свитой сразу же умчались вперед, и сейчас она могла видеть только отдельных всадников слева и справа, но не особо удавалось разглядеть, кто есть кто.

Ее серебристая кобылка неслась так резво, что Маре приходилось успевать лавировать между стволами и уворачиваться от веток, норовивших хлестнуть в лицо или зацепиться за платье. Слишком быстро! Но и остановиться, сбавить ход она не решалась. Незнакомый лес вокруг, если она останется одна, рискует заблудиться. Лучше не упускать из вида тех, кто сейчас рядом.

Постепенно направление движения немного сместилось в сторону, теперь ей казалось, что они забирают влево. А впереди был небольшой прогал, и там мелькнула группа всадников. Мара успела заметить красную юбку. Значит, там Истелинда.

А где Истелинда, там король.

Или наоборот.

Неважно.

Уже через пять минут трудно было сказать, где именно сейчас король, потому что лай собак теперь несся отовсюду. И она могла поклясться, что он все ближе. В какой-то момент Маре показалось, что стая несется прямо на нее. Она пришпорила лошадку и попробовала уйти вправо. Но спра-

ва, как назло, было поваленное дерево. Мара уже хотела повернуть, но лошадка взяла препятствие.

Удалось. Лай собак теперь слышался в стороне, и на некоторое время она могла сбавить ход. Дать отдохнуть лошадке и осмотреться. Потому что теперь Мара вдруг поняла, что из тех, кто прежде был слева и справа от нее, никого не видно.

Заблудилась? Черт... Однако шум охоты хоть и удалялся, но все же был слышен отчетливо. Не так уж далеко она ушла.

В конце концов, нагонит, подумала Мара и пустила лошадь шагом. Вокруг был незнакомый лес. Красивый, ухоженный, чистый. Королевский. И раз уж у нее есть немного времени, она решила полюбоваться. Когда еще будет такая возможность.

Высокие деревья, кружевная листва вверху, над головой в небольшой прогал между кронами виднелся кусочек неба. Справа довольно густой подлесок, так что не продерешься, только объезжать. А слева небольшой поросший мхом овражек.

Казалось, все спокойно, но видимое спокойствие было обманчивым. Вскоре снова стал доноситься шум охоты, она даже видела, как среди стволов мелькнули темные фигуры всадников. Лай собак теперь слышался слева и все более отчетливо.

Мара подумала, что надо бы теперь придержать лошадь, а еще лучше развернуться и сдать назад. И это было последним, что она подумала.

Потому что из небольшого овражка прямо на нее вылетел волк.

глава 12

Волк был такой огромный, как в том сне, страшный!

Ее серебристая лошадка тут же взвилась на дыбы и ша-рахнулась в сторону. А Мара чудом удержалась в седле, но от неожиданности упустила поводья. Она вцепилась в гриву. Только бы усидеть!

Если сейчас лошадь понесет, ей конец! В этом дурацком платье и в женском седле она просто свалится. А лошадь испуганно ржала и храпела, перебирая тонкими ногами.

Волк... Волк рычал!

Было дико страшно, она просто онемела, не слышала ничего вокруг и не сводила с ошетилившегося зверя глаз. Надо суметь развернуть лошадь и уйти раньше, чем зверь бросится. Но как же повернуться к нему спиной?!

Она почти справилась с собой. Почти...

И тут со стороны того овражка вылетел всадник! Родхар. Один! Несся, как бешеный, опережая всех своих собак. На всем скаку скатился с коня и бросился на волка с кинжалом.

Боже! КАК ей теперь было страшно!

Потому что волк и человек сплелись в единый рычащий клубок. Наверное, все длилось доли мгновения, а ей казалось – вечность. И не разобрать, что происходит. Где челюсти волка, где кинжал?! Чья это кровь?! Она не могла заставить себя тронуться с места, пока не узнает.

Но тут наконец следом вылетели своры собак и всадники. И все действительно смешалось. Крики, рев, рычание, лай собак. Это было слишком! Маре в какой миг стало дурно, а серебристая не выдержала, сорвалась с места и помчалась, не разбирая дороги.

Прямо сквозь подлесок и дальше, ныряя между стволами. Повод болтался, задевая за ветви, но Мара даже руки не могла разжать. Еще сильнее вцепилась в гриву и прижалась к шее лошади, чтобы не вылететь из седла. А ветки секли по лицу, хлестали, цеплялись за волосы и платье.

Самое ужасное, что она не видела дороги, не разбирала, куда мчится. Но лошадь, похоже, все-таки не понесла, просто сильно испугалась. И теперь она уже так безумно не мчалась, вытягивая шею. А Мара хоть и не решалась разжать руки, чтобы поймать повод, но потихонечку стала подтягивать ее за гриву. Все время в левую сторону.

Потому что из глубины памяти вдруг яркой искрой пришло, как отец рассказывал, что под ним однажды понесла лошадь и он все подтягивал левый повод, стараясь заворачивая ее кругами, пока она наконец не стала в полной мере слушаться поводыев. Было трудно. Они еще некоторое время так проскакали, потом серебристая все же начала сбавлять ход, а потом и вовсе пошла шагом.

Сколько все это длилось?

Может, несколько минут, но Маре показалось – вечность. Серебристая шумно дышала, бока ходили ходуном, а она

просто распласталась в изнеможении на шее лошади и закрыла глаза. У нее тряслись руки от усталости и шумело в ушах.

Кажется, обошлось. Она попыталась бледно улыбнуться, не открывая глаз. Теперь только собраться с силами. Вот сейчас, немного отдохнет, придет в себя. И...

Мара поздно среагировала на шум, не успела подготовиться.

Когда сбоку вылетел всадник и буквально сшиб их, она все-таки вылетела из седла.

Первый момент удара о землю – сразу вышибло дыхание и посыпались искры из глаз. Боль от ушиба пришла только потом, но такая сильная, что не вдохнуть. В глазах потемнело.

Она только чувствовала, что кто-то пытается тормозить ее и что-то быстро причитает.

Ах... Ах... Ей слышалась возня, а глаза толком не открыть и слова не вымолвить. Ей хотелось отпихнуть от себя эти руки и сказать:

«Да подождите вы! Нельзя же так...»

Но в тот момент не было сил шевельнуться, а мутное сознание плавало в каком-то киселе. Наверное, на какое-то время Мара все-таки отключилась, потому что, когда она смогла открыть глаза, обнаружила себя уже не в том месте, а у дерева. А тот, кто был рядом, быстро сдергивал с нее пла-

ть, открывая грудь.

Как она шарахнулась, как закричала:

– Нет! Оставьте меня! Уберите руки! Нет!!!

А он, это был барон Малгит, этот кошмарный старикашка, конечно, осадил немного, но равно все тянул к ней руки и приговаривал, улыбаясь ей, словно она несмышленый ребенок:

– Ну что вы, мадхен, милая, что вы. Не надо так кричать, я не причиню вам зла.

А глаза алчные. Она пыталась его отталкивать, но он был сильнее. И главное, все норовил стянуть платье!

– Сейчас мы вам поможем, да, мадхен? Вам же трудно дышать? Конечно, трудно.

– Не трудно мне! – рявкнула она.

Из последних сил попыталась встать, оступилась и завалялась набок. Он тут же оказался рядом:

– Успокойтесь, милая, не надо так вырываться! Я не сделаю вам ничего дурного, я хочу жениться на вас. Мара-Элизабета, ваш дядя уже дал согласие! – выпалил он, воодушевленно блестя глазами.

Очевидно, ожидал, что она тут же кинется ему в объятия. А Маре дурно стало. Отвратительная догадка. Все эти платья, спешка, странные оговорки и взгляды смотрительницы...

– Мой дядя продал меня вам, – проговорила она потрясенно. – А матрес Фоурм была в курсе... А как же король?

– Не надо говорить такие вещи! – Мужчина вдруг испуганно заозирался и буквально вцепился в нее клешнями.

И было от чего. Все слышнее становился конский топот, к ним явно приближался кто-то, круша все на своем пути.

– Помните, что я хочу на вас жениться, мадхен, – успел шепнуть старый барон.

Дернул ее за платье и прижал к стволу дерева.

С самого начала Родхар исподволь наблюдал за девушкой. Она вызывала у него смешанные чувства, странные, цепляла чем-то. Не красавица, но...

На той серебристой кобылке она смотрелась идеально. Глядя на нее, король испытал горячее предвкушение сладкой охоты.

А потом увлекся охотой настоящей и на какое-то время упустил ее из виду.

Когда опомнился, девушки нигде не было видно. Отстала? Потерялась? Он решил найти ее потом. Потому что в тот момент отвлечься было невозможно, он был слишком разгорячен охотой и гнал зверя дальше.

Когда зверь вылетел прямо на нее, Родхар чуть с ума не сошел. Бросился на волка. За тот ужас в ее глазах готов был голыми руками рвать зверя на части. И в запале боя даже не обращал внимания на то, что происходит рядом.

Заметил только краем глаза, как рванулась с места сереб-

ристая лошадка и мелькнуло розовое платье. А следом за ней понесся кто-то из лордов. Пока добил зверя, пока выкарабкался, вскочил на коня, потерял время. А потом он гнал, как безумный.

И не зря.

Девчонка была в лапах Малгита. Серебристые волосы растрепаны, на щеке царапина, порванное платье. Родхар увидел, в каком она состоянии, и зарычал от ярости:

– Убрался от нее! Сейчас же!

глава 13

Время на миг замерло.

Боже, какой это был стыд и ужас...

Маре хотелось провалиться сквозь землю. Она же жалкая, беспомощная и грязная! Это проклятое розовое платье, наполовину сползшее с плеч, разодранный подол. Барон, вцепившийся в нее. Все смешалось. Как будто кто-то безжалостный в один миг перекроил всю ее жизнь, пустив по наихудшему пути из всех возможных.

И ей некуда было деваться, скрыться некуда!

Но тут все с мертвой точки стронулось.

– Отойди от нее! – голос короля был страшен.

Родхар наступал на старого барона, словно разъяренный зверь. А тот пятился от него и лепетал, что у него самые честные намерения и что он готов на Маре-Элизабете Хантц жениться.

– Замолчи! – зарычал Родхар и рванулся вперед, стискивая кулаки.

Малгит наконец убрался в сторону, и теперь Маре хорошо было видно, что король в крови. Заливая руку, кровь текла по рукаву, разодранному волком. Кровь была на шее. На лице ссадины... У него раны! Ему же, наверное, больно? Мара зажмурилась, снова встала перед глазами та дикая картина, когда он бросился на волка врукопашную.

Это было так страшно!

Но тут вернулась реальность.

Она съежилась у дерева, пытаясь как-то поправить на себе съехавшее платье. Сразу наваливалось все: осознание, боль от ушиба. Она тихонько застонала и всхлипнула, закрывая рот ладонью.

Совсем тихо, почти беззвучно.

Но он услышал. Родхар немедленно повернул в ее сторону голову. А потом в два счета оказался рядом. Оглядел ее. Мара втянула голову в плечи, ледяные иглы побежали по позвоночнику. А король перевел на Малгита безумный и злой взгляд, видно было, что в нем еще кипит ярость боя, и угрожающе рыкнул:

– Чтоб я тебя рядом с ней не видел!

Потом рывком подхватил ее на руки и прижал к себе. А после, так и не выпуская ее из рук, вместе с ней взлетел в седло и поскакал на своем мощном жеребце куда-то через лес.

Он прижимал ее к себе так крепко, словно она драгоценность, и несся вперед как одержимый. А Мара была настолько шокирована всем этим, что просто затихла, невольно прислушиваясь к тому, как вырывается шумное дыхание из крепкой широкой груди мужчины и как поют его стальные мышцы.

Куда он ее везет, что с ней теперь будет? Эта мысль пришла только потом.

И да...

Когда рядом появились другие всадники, псаря и лорды и участницы отбора, вот тогда Мара в полной мере осознала, что произошло. После того, как все видели ее в разодранном платье, вырваться, пытаться высвободиться бессмысленно, она скомпрометирована безнадежно.

Вокруг уже была толпа, а король и не думал выпускать ее из рук. По-прежнему прижимал к себе, он даже словом ни с кем не перемолвился, только коротко приказал, чтобы нашли ее лошадь, и понесся на своем скакуне в лагерь.

А вокруг столько глаз, вся эта орда. Псаря, лорды, принцесса Амелия, Истелинда, другие участницы отбора. Ей даже показалось, что где-то мелькнул барон Малгит. ВСЕ глазили на нее, и Мара не знала, что сейчас может быть хуже.

И все-таки... Она слушала шумное дыхание мужчины, стук его сердца, ее держали его сильные руки. Было в этом что-то жаркое, живое... Неизвестно, что случится в следующий миг, в тот момент она чувствовала, что нет места надежнее.

Но ничего не может длиться бесконечно.

Момент прошел.

Король наконец доскакал до лагеря перед лесной опушкой. Какими их встречали взглядами! Мара думала, матресс Фоурм в обморок упадет. Эта сухая чопорная дама рысью

бежала за королевской лошастью с вытаращенными от изумления глазами и разинутым ртом.

А король доскакал до шатра в центре лагеря и бросил поводья конюху. Вместе с ней спрыгнул наземь и понес ее на руках в шатер.

Вошел. В три шага добрался до установленного в шатре лежа, покрытого шкурами. Молнией пронеслась мысль у нее в голове – зачем тут ложе?! Шкуры?! А в следующее мгновение он уже опустил ее на ложе. Крикнул:

– Лекаря!

И вышел.

Так быстро, стремительно! Она не успела опомниться.

Почти сразу вслед за этим в шатер влетел запыхавшийся пожилой мужчина с небольшим кофром в руке. Мара дернулась, пытаясь сесть, а он велел:

– Лежите, мадхен. Я должен вас осмотреть.

И стал искать что-то в своем кофре. Это было неудобно и дико, что ее будет осматривать мужчина, да еще наедине! Казалось, хуже некуда.

Хорошо хоть вход в шатер остался открытым, но теперь сюда могли заглядывать все. Слышались разговоры. Один раз даже мимо прошла Истелинда, заглянула внутрь и презрительно фыркнула. Мара шумно выдохнула и зажмурилась. Но тут же открыла глаза, потому что лекарь велел:

– Лежите спокойно, я должен осмотреть вас на предмет повреждений и переломов.

– Но у меня нет переломов, – попыталась возразить она. – Только ушиб.

– Вы упали с лошади. Его величество приказал вас осмотреть.

– Хорошо, – пробормотала Мара.

Казалось, этот человек ничего ужасного не делал. Он только снял с нее туфли и повертел щиколотки, потом велел сесть и проделал некоторые манипуляции, заставляя ее следить за металлическим штифтом и двигать глазами и головой. А после сказал вытянуть перед собой руки. Выдохнул, потер лысину и заключил:

– Серьезных повреждений нет.

Только она обрадовалась, что позорная процедура закончена, как этот человек спросил, понижая голос:

– Не нанес ли вам повреждений барон?

– Что?

– Я спрашиваю, кхम्म, не посягнул ли он на вашу честь?

Мара на секунду онемела и уставилась на него, вытаращив глаза.

– Лучше будет, если вы скажете, мадхен, иначе я вынужден буду проверить.

– Нет, – смогла она наконец выдать.

Мужчина кивнул, собрал свой кофр и коротко поклонился ей.

– Я доложу его величеству.

И покинул шатер.

Не прошло и минуты, вошел король. Бросил на нее быстрый, какой-то волчий взгляд и отошел к столу, стоявшему у противоположной стенки шатра. И встал там, повернувшись к ней спиной.

Мара только успела сесть и спустить ноги на ковер, да так и замерла, боясь шелохнуться. Король шевельнул плечами, а она заметила, что у него рука перевязана прямо поверх одежды.

Она хотела выразить как-то свою благодарность. Честно. Ведь он спас ее.

И тут король заговорил.

– Я снимаю тебя с отбора.

Прозвучало сухо и резко. На секунду Маре стало больно, но ведь другого и не следовало ожидать.

– Да. Я поняла, – проговорила она, опустив голову. – Благодарю, ваше величество. Я уеду сегодня же.

– Ты останешься здесь.

– Простите? – ей показалось, она ослышалась.

А он ходил по шатру и говорил рублеными фразами:

– Тебе будут выделены комнаты и полный штат прислуги. Можешь рассчитывать на хорошее содержание. Лошади, украшения, меха – все это сверх того.

До нее наконец дошло.

– Простите, ваше величество...

– Что?! – Родхар резко обернулся и пошел к ней.

В какой-то момент сделалось страшно, но она все-таки спросила:

– В каком качестве я останусь?

Мужчина замер против нее и проговорил:

– В качестве моей любовницы.

Его тон, давящий взгляд... Мороз по коже.

– А как же принцесса Амелия и леди Истелинда, другие претендентки?

Король усмехнулся жестко и цинично.

– Амелия станет моей женой, это давно решено. А Истелинда, это Истелинда. Они тебя не касаются. Достаточно того, что ты будешь со мной, – проговорил он и снова отошел к столу.

Она смотрела на его широкую мощную спину и думала, как здорово все решено. Одна будет женой, другая официальной любовницей, а ей отведена роль постельной грелки. Возможно, одной из многих.

А когда она ему надоест, дорога ей будет в монастырь? Если прежде ее не сожрут его жена и официальная любовница?

Мужчина ждал, сцепив за спиной руки.

Мара сказала:

– Нет.

И тут он стал медленно поворачиваться к ней.

глава 14

Удивление и неверие в его глазах. Сейчас Родхар был похож на хищника, на пути которого неожиданно выросло препятствие. Мара понимала, что препятствие может только раззадорить. Опять стало страшно, но она все-таки сказала:

– Это огромная честь. Но я вынуждена отказаться.

Он все еще не верил. Скосил голову набок и шагнул к ней, оглядывая с сомнением. Как слабоумную.

– Что ты несешь? – скривился. – Ты вообще поняла, что я сказал?

Конечно, она же должна была прийти в восторг и прыгать от счастья. Да только она не могла. Так глупо, столько девушек мечтали бы сейчас оказаться на ее месте.

А ей припомнился королевский сад и розовые кусты в нем. Их было множество, целые аллеи, и королю, она в этом была уверена, не было дела до этих роз. А у нее дома единственный розовый куст, тот, что отец подарил мамушке. Драгоценный. И пусть в королевском саду «розы» лучше цветут и за ними неустанно ухаживает его величество «садовник». Она предпочитала быть единственной, пусть и в худших условиях.

– Да, ваше величество, я поняла, – кивнула она, видя, как

на смену удивлению приходит гнев.

А теперь предстояло самое страшное. Мара никогда не думала, что будет решать свою судьбу вот так, в один миг. И выбирать придется из двух зол.

Возможно, кто-то назовет ее душой, но ей нужно было обезопасить себя от того хищника, что сейчас смотрел на нее. Потому что он не заметит, как сожрет ее, а потом выплюнет кости и пойдет дальше. Он – король. А она не Истелинда, она после этого просто не сможет подняться.

– Я выйду замуж за барона Малгита, – сказала Мара.

– Что?!

Боже... Он рыкнул так, что у нее зазвенело в ушах. Мара вздрогнула, потому что король сейчас был действительно страшен. А он наступал на нее медленно и давил взглядом.

– Повтори!

Она невольно зажмурилась, но повторила:

– Я выйду замуж за барона Малгита.

– За этого старого мерзавца?! Глупая, что он тебе напел?!

Что ты вообще о нем знаешь?!

Из него прямо хлестало злым презрением. И тут она разозлилась, жаркий протест стал подниматься из души.

– Я знаю, что Малгит купил согласие моего дяди, – заговорила она, выталкивая из себя то, о чем раньше молчала. – И что здесь, на вашем отборе, тоже все нечисто. Иначе как

объяснить, что он у вас на глазах пытался скомпрометировать меня трижды. И один раз ему это даже удалось! Но я все-таки выйду за него, потому что он предлагает мне честный брак.

«В отличие от вас».

Эти несказанные слова повисли в воздухе.

– ЧТО ТЫ НЕСЕШЬ?! – рявкнул он.

Глаза горели гневом, а кулаки судорожно сжимались. Но ей уже нечего было терять, гнев и обида вытеснили все, даже здравый смысл и инстинкт самосохранения.

– Как, вы не знали, ваше величество, что у вас на отборе все продается?! И как вдруг так получается, что девушки ведут себя непристойно?! – она захохотала. – Давайте подумаем! Может быть, их специально подставляют?

«А вы на это смотрите, и вам плевать», – чуть не сказала она. Но тут инстинкт самосохранения все-таки включился.

Родхар смотрел на нее так, словно хотел растерзать.

В мозгу плыло от ярости. Он смотрел на нее и думал только об одном. Разложить ее сейчас на этом ложе и взять силой! Чтобы закрыла свой дерзкий рот! И не смела больше никогда говорить, что выйдет еще за кого-то. Потому что она должна принадлежать ЕМУ!

Но он никогда не брал женщин силой.

И не возьмет.

Тем более – ее.

Смотрел на эти тонкие ручки и плечики, на спутанные се-ребристые волосы, на красную царапину, грубо прочертив-шую нежную щеку. Чувствовал, что в груди печет огнем, и не мог понять.

Ведь он держал это хрупкое тело в руках, и все было по-другому.

И все должно было случиться по-другому.

Но те слова, что она говорила.

Они рвали его терпение в клочья.

И чтобы не сорваться на нее, он просто вылетел из шатра.

Вылетел, а там эта толпа любопытных. Короля такое зло взяло. Внутри все еще клокотало то дикое, что девчонка в нем раздражила. Но постепенно в голову стало просачивать-ся понимание того, о чем она ему рассказала.

Получалось, что его низвели до...???

У него просто не было слов описать свое состояние. Что угодно он готов был услышать, только не то, что у него за спиной происходит торговля живым товаром. И он, получа-ется, к этому причастен. Его просто ела досада.

Да плевать он хотел! Пусть бы его лорды продавали своих дочерей как угодно. Но у себя дома. А не у него на отборе!

И тут ему попала на глаза смотрительница отбора ма-трес Фоурм. Стояла, испуганно шепталась о чем-то со ста-

рым мерзавцем Малгитом. Эти двое были довольно далеко от шатра. Но Родхар сам не понял, как вдруг оказался рядом.

– Ваше величество, – присела перед ним в поклоне эта карга.

Он рыкнул:

– Прочь.

Ею он собирался заняться после. Сначала Малгит.

Старый барон попытался было испуганно попятиться от него, но Родхар был быстрее. Он просто схватил его за грудки и яростно потряхнул. А потом заорал в лицо:

– Только посмей на ней жениться!

– М... ммм... – попытался что-то промямлить тот.

– Что?! – Родхар наконец ослабил хватку.

А тот, почувствовав небольшое облегчение, выдал:

– Но если девушка согласна, ее опекун тоже, почему же нет, сир?

В глазах горело старческое упрямство, страх, глубоко запрятанный мужской интерес и жадность. Ну да, он же заплатил за нее. Урод!

Кровь ударила королю в голову, он потряхнул его снова, выплевывая слова в лицо:

– Только посмей на ней жениться, и я сгною тебя за измену! Сдохнешь в кандалах, понял?!

И снова тряс его, пока тот не пошел на попятный и не заскулил:

– Я понял, сир. Понял. Понял. Сир!

Большого труда стоило Родхару разжать руки, но отпустил.

Теперь эта старая сводня, матрес Фоурм. Огляделся, ища взглядом. Где она? Смотрительницы нигде не было видно, да и вообще вокруг короля образовалось пустое пространство. Родхар кликнул стражу:

– Найти мне матрес Фоурм и привести сюда.

Стражники бросились исполнять приказание, а он взял первый попавшийся стул и уселся на него, нервно притопывая ногой. Его придворные сгрудились в отдалении и оттуда настороженно поглядывали. Охота давно уже перестала быть развлечением. И все, что тут происходило, пахло грозой. Но уехать никто не мог, потому что король не давал разрешения. Плевать.

Лекарь подошел, в очередной раз пытаясь уговорить его:

– Ваше величество, надо перевязать раны...

– Плевать! – рыкнул он.

Лекарь испарился. А стража наконец нашла матрес Фоурм. Родхар повел шеей и поднял на нее взгляд. Женщина силилась держаться, но видно было, что ее всю трясет.

– Матрес Елена Фоурм. Только ради того, что вы когда-то были фрейлиной моей матери... – начал он.

А та уже поняла, стала заламывать руки.

– Сир, ваше величество, я ни в чем не виновата! Я не знаю, что вам про меня рассказали?! Это все клевета!

– Чтобы я вас больше не видел при дворе, – медленно

проговорил он.

И вот тут она заголосила по-настоящему:

– Ваше величество! Я все скажу! Все! Только дайте мне оправдаться... Сир!

Он мотнул головой страже:

– Убрать. Под замок, пока все не расскажет.

Потом еще некоторое время сидел, успокаивая дыхание.

И только после этого снова пошел в шатер.

глава 15

Когда Мара осталась одна, в первую секунду она еще как-то держалась на выплеске эмоций. Как срезанный косой цветок, который доли секунды держится на стебельке. Потом все рухнуло, словно из нее выпустили воздух.

Как будто этот мужчина давал ей силы бороться, а без него...

Она огляделась в шатре и на секунду зажмурила глаза, потому что стала все четче обозначаться реальность. Что теперь с ней будет? Неужели она действительно согласилась выйти замуж за того старого барона?

Вспомнился дядя Меркель. Его отношение, слова:

«Отбор – это шанс. Если повезет, устроишься при дворе. А нет... Кто-нибудь да на тебя позарится».

Спешка, с которой он торопился сбить ее с рук.

«Ничего лишнего с собой не бери. Кое-какую одежду купим тебе по дороге, чтобы не была оборванкой. На первое время хватит, а дальше пусть думает тот, кто на тебя позарится».

Ну вот. Позарился.

Мара мрачно усмехнулась, силясь встать. Прострелило руку, смех отдался болью в ушибленном боку. Мара понимала, что настоящая боль придет потом. И болеть у нее будет сердце. А сейчас надо просто найти в себе силы и выйти из

шатра. Но ей было трудно заставить себя сделать это. Потому что тонкие тканевые стенки – последнее убежище, за которым на нее обрушится разом все.

А снаружи доносился шум. Слышно было, как король гневно распекал кого-то. Но далеко, слов не разобрать. Хотелось втянуть голову в плечи. Мара сидела, покачиваясь, на огромном, покрытом шкурами ложе и собиралась с силами.

Вот сейчас. Еще немного, и она встанет и выйдет из этого шатра. Сейчас.

Не успела.

Раздались шаги у входа, резко взлетел кусок ткани, закрывавший вход, в шатер вошел король. Мара вскинула голову и сжалась, а он подался навстречу. На секунду они замерли, впившись друг в друга взглядами. Странное это было мгновение, казалось, сейчас изменится что-то и станет все хорошо.

И тут он сказал с каким-то злым пренебрежением:

– Барон на тебе не женится.

Как будто швырнул ее в омут и пристально отслеживал, как она будет барахтаться. В первый момент, конечно, был шок. Осмысление того, что за этот час ее мир перевернулся уже дважды.

Честно? Мара даже не знала, что в данной ситуации было правильно – расстраиваться или радоваться, что она не выйдет за старого барона. Зато наваливалось осознание будущего, которое ее ждет.

– Ну, что ж, я... – начала Мара.

Мужчина зло ухмыльнулся, делая шаг в ее сторону. Сокращая пространство, заставляя ее чувствовать себя маленькой и беззащитной. Огромный страшный волк, он попросту загонял ее, как дичь на охоте. Стало дико обидно за собственную глупость. А потом она вдруг перестала ощущать боль от ушибов и как-то сами собой развернулись плечи. Теперь ей действительно терять было нечего.

– Значит, я вернусь домой.

– Так?! – его гнев был осязаемым.

– Так.

На какое-то мгновение их взгляды скрестились, подобно двум мечам. Еще немного, и полетят искры. И вдруг он развернулся и вышел.

Это был феерический позор.

Мара сама толком не помнила, как добралась сначала до замка, а потом до крыла претенденток. Ехала и старалась по сторонам не смотреть, понимая, что на нее показывают пальцами и даже не шепчутся, а громко обсуждают вслух, обсасывая несуществующие подробности.

Ну да, большей дуры на свете нет. Еще ни одну девушку не выбрасывали с отбора вот так, все чинно и благопристойно выходили замуж. Она будет первой.

Иррациональная обида на судьбу и собственную глупость

все еще горела в груди, хотя, чего обижаться? Все правильно и хорошо. Сейчас главное было оказаться как можно дальше отсюда. Думать, как обустроить дальше свою жизнь, Мара собиралась потом.

В комнатке, которую ей отвели, она быстро переделалась в свое единственное платье. Хорошо, что не выбросила его, как советовал дядя Меркель. Остальные хотела вернуть барону, надо же дать ему хоть какую-то компенсацию за потраченные деньги.

Пока все это происходило, служанка причитала над испорченным розовым платьем. И вообще причитала:

– Что же вы, мадхен, прозевали все! Мммм?! Надо было пользоваться возможностью!

– Так вышло, – сказала Мара.

Та замерла на минуту, пристально на нее глядя, и выдала честно, по-простому:

– А я на вас так рассчитывала. Да что уж теперь.

Мара хотела ответить, но в этот момент дверь отворилась с грохотом. Она вздрогнула и, черт его знает на что надеясь, обернулась. Два дюжих стражника держали сундучок. Один грозно спросил:

– Мара-Элизабета Хантц?

– Да, – кивнула Мара настороженно.

Они буквально швырнули к ее ногам сундучок:

– Вот. Вознаграждение от его величества за участие в отборе. Велено доставить.

Развернулись. Дверь снова хлопнула. Служанка метнулась было к сундучку, потом обернулась к ней:

– Мадхен...

Наверное, это неприкрытое пренебрежение и было последней каплей. Мара просто подхватила кофр, в котором были ее деньги и личные, захваченные из дома вещи, и вышла из комнаты.

– Мадхен! – крикнула ей вслед служанка. – А как же деньги?! Платья эти куда?!

– Платья барону Малгиту. А деньги, – она пожала плечами. – Верните его величеству.

По коридорам она шла не оборачиваясь. На нее косились, шептались за спиной. Ничего. Если идти все прямо и прямо, то королевский замок, хоть он и большой, можно пройти очень быстро.

Из замка ее беспрепятственно выпустили в город. Там Мара остановилась в ближайшей гостинице, потому что уже наступил вечер. А утром вместе с первым транспортом, направлявшимся из Лендрио в сторону Даршантца, уехала домой.

Съездила на отбор.

Конец первой части.

Часть вторая

Глава 16

Обратная дорога всегда кажется короче, наверное потому, что, двигаясь «туда», больше обращаешь внимания на детали и чувствуешь себя напряженно. А когда едешь обратно, просто отмечаешь уже знакомые ориентиры.

Сейчас Мара почти ничего не замечала вокруг себя, а вид за окном повозки сливался в сплошное серое пятно. Иногда ей чудился шум погони, и это заставляло ее прислушиваться и нервно вздрагивать. Но когда выехали за пределы столицы и покатали по главному тракту, ясно стало, что страхи напрасны, никто ее преследовать не будет. Странное это было состояние.

В довершение всего пошел дождь. И потому дорога тянулась долго и однообразно. Однако рано или поздно все кончается.

С опозданием в один час они прибыли в Даршантц.

В сам городок возница заезжать не стал, остановил у постоянного двора на окраине. И пока меняли лошадей, тем пассажирам, кто желал ехать дальше, была предоставлена возможность размять ноги. Можно было пройтись или же переждать это время в харчевне. Прогуливаться под дождем бы-

ло сомнительное удовольствие, и Мара решила зайти поесть вместе с остальными.

Обеденный зал был большой и довольно-таки закопченный, да и народ, сразу видно, простой и нетребовательный. Но в ее положении перебирать харчами не следовало.

Только Мара со своей порцией горячей похлебки устроилась за столиком и уже собралась есть, как вдруг услышала краем уха интересный разговор. И чем дальше вслушивалась, тем больше ей хотелось провалиться сквозь землю. Потому что говорили о ней.

Казалось бы! Только вчера все это произошло, а уже по всему Хигсланду судачат, что какую-то там девицу выкинули с отбора. С какой колоссальной скоростью распространяются слухи... Appetit пропал к черту.

– Представляете, говорят, ее прогнал сам король.

– А...

– Да, – голос рассказчика понизился. – Говорят, за непристойное поведение.

Это вызвало немедленное оживление среди слушателей:

– Оооо...

– Наверное, эта девица была та еще штучка!

– Угу. И еще говорят...

Тут разговор оборвался, а рассказчик неожиданно обратился прямо к ней:

– Мадхен!

Мара попыталась сделать вид, что не слышит, но тот

окликнул ее снова:

– Мадхен! Вы же едете из Лендрио?

Хорошо еще, на ней была накидка, скрывавшая волосы и верхнюю часть лица!

– Да, – сказала Мара, обернувшись.

А на нее уставились с нездоровым любопытством.

– Ну, расскажите нам. Вы же наверняка знаете все про это!

О, да, она знала все. И рассказать могла сейчас что угодно, ибо уже поняла – чем нелепее ложь, тем охотнее в нее верят. В тот момент в ней как будто щелкнуло что-то жесткое и встало на место. Однако на нее смотрели, и надо было что-то сказать.

– Я не могу ручаться, – пожала Мара плечами. – Но, говорят, на охоте на девушку напал волк.

– О...

– И после этого жених от нее отказался, а король снял ее с отбора.

Практически не соврала ни в чем. Несколько секунд висело молчание, потом посыпались версии:

– Наверное, сильно изуродована?

– Ну конечно, если волк напал!

– Оно и понятно, что жених отказался, если изуродована.

Да и королю-то не надобна уродина на отборе.

– Да, не повезло... Жалко девушку...

Дровишки, подброшенные в костер сплетен, сделали свое дело.

Мару оставили в покое, можно было наконец поесть спокойно. И пока ела, имела возможность убедиться, насколько быстро сплетни могут обрастать подробностями. К концу обеда по залу уже гуляло две версии. По одной, волк отгрыз девушке левую руку и правую ногу, а по другой, на девушку в лесу напали разбойники.

Пусть, подумала Мара.

Главное, что сию секунду никто не свяжет этот рассказ с ней, а завтра она будет уже далеко отсюда. И что о ней станут болтать в Даршантце, уже не будет иметь значения.

Тем временем закончили менять лошадей, и надо было выезжать дальше, возница хотел добраться до места к ночи.

Мара уже шла к повозке, чтобы сесть, и тут ее окликнули.
– Мадхен!

От неожиданности целый ворох ледяных игл прошелся по спине...

Слишком близко прозвучал голос, и она его узнала. Хотелось сбежать, но Мара медленно обернулась, стараясь не выдать себя. Потому что это был тот самый человек, у которого ее дядя покупал платья. То ли торговец, то ли переодетый лорд, а может, и кое-кто похуже.

– Добрый день, мадхен.

– Добрый, – ответила она и выпрямилась, сдерживая желание поскорее сбежать.

А мужчина подошел к ней ближе и тихо проговорил:

– Не бойтесь, я не выдам вашу тайну.

Чеееерт... Этого только не хватало.

Она уставилась на него, холодея изнутри и пытаясь понять, что этому человеку нужно. А он быстро огляделся кругом и как бы невзначай выдал:

– Я вижу, вы путешествуете налегке?

Разговор Маре не нравился, и этот человек ей не нравился.

– Да, – ответила она, оборачиваясь в сторону постоянного двора.

Не хватало еще, чтобы кто-нибудь их услышал.

– Но этот способ не слишком удобный.

Он пренебрежительно указал на большую повозку, в которую сейчас грузились ее попутчики. И, кстати, он ее задерживал, сейчас все набьются, и ей потом придется всю дорогу ютиться где-то с краешку.

– Меня устраивает, – проговорила Мара.

– Такая девушка заслуживает лучших условий. Если хотите, я мог бы устроить вас у себя. Мой дом открыт для вас, мадхен, – мужчина быстро оглянулся кругом, склонился к ней и чуть понизил голос. – А потом... завтра, или когда вам будет угодно, доставил бы вас к вашему дяде?

Он напирал так неприкрыто, что Мара разозлилась. Сразу припомнились все те полунамеки, которыми обменивались они с дядей Меркелем. Ведь этот человек был явно в кур-

се всех тех делишек, что проворачивала матрес Фоурм при дворе.

Злость придала силы, она смерила его взглядом и отодвинулась.

– Вам ведь знакомо имя матрес Фоурм? – спросила Мара негромко.

Мужчина нахмурился.

– Знаете, с ней приключилось такое несчастье, – начала она, отмечая про себя, что взгляд мгновенно мужчины сделался острым. – До его величества вдруг дошли слухи о том, что на отборе за его спиной процветает мздоимство. И, представьте себе, сейчас по приказу короля ведется расследование.

Вот теперь он отшатнулся, словно обжегся.

– Не благодарите, – сказала Мара и пошла к повозке.

И так втискивалась в нее одной из последних.

Потом всю дорогу до следующего постоянного двора ехала, закрыв глаза. Вымотал ее этот разговор. Потом дорога стала хуже, но возчик гнал, потому что хотел успеть. И они тряслись и тряслись, и казалось, этому конца и края не будет. И все же ближе к ночи они добрались до Хантца. А вскоре показали стены родительского замка. Пара серебряных монет, и возница согласился довезти ее до ворот.

Все. Мара была дома.

глава 17

Вот они перед ней, ворота замка. Дом.

Мара постучалась и прижалась к воротам головой.

Все силы, какие у нее были, внезапно закончились. Как будто действовать, говорить, держать спину ровно – все это она могла, только когда мысленно сражалась с королем. Пока тень его угрозы нависала над ней. А как не стало этого, внезапно нахлынуло изнеможение. Ей хотелось уткнуться лицом в подушку и...

Нет, не плакать.

Плакать сейчас она не могла. Держалась еще в душе какая-то плотина, за которой копилась боль. И эта плотина пока не переполнилась. Так что плакать, сожалеть – все это будет потом.

А пока Мара оглядывалась мысленно на проделанный путь от столицы до дома и удивлялась себе. Она умудрилась быстрее добраться, чем дядя Меркель, когда вез ее на тот отбор. Немного шумело в голове, штормило с дороги. Вспыхивали в памяти отдельные фрагменты, слова, лица.

Надо же, она даже говорила что-то, отвечала впопад... Вспомнился тот неприятный тип из Даршантца, который все пытался заманить ее к себе. И как потом он испугался и отшатнулся от нее, когда речь зашла о короле.

Все-таки перепало ей от короля полезное что-то!

Было, конечно, и другое, но думать о том, *другом*, Мара не могла себе позволить.

Однако что-то долго никто не отворяет, промелькнуло у нее в голове. А на дворе уже ночь. Впрочем, не страшно, что сейчас ночь, главное, добраться да своей постели, а завтра...

Раздались шаркающие шаги и недовольный голос.

– Кто это шляется по темноте?

Старый слуга Хиберт, Мара его знала, сколько себя помнила. Странно, неужели в замке не нашлось никого помоложе? А тот продолжал шаркать и ругаться вполголоса:

– Как будто нельзя дождаться утра... Вот я собак спущу сейчас...

– Хиберт! Это я! – крикнула Мара.

– Чего? – проворчал тот, открывая маленькое окошечко.

И тут же оторопел.

– Мадхен Мара! Вы, что ли?? Так вы же в столице, у короля на отборе?

– Я, – она устало улыбнулась. – Как видишь, вернулась.

Он кинулся открывать, бормоча про себя:

– Ох-хо-хо... Это что же делается...

Наконец Мара оказалась внутри и только сейчас поняла, что же ей все время казалось неправильным. Темно. Тихо. Пусто. Странное подозрение закралось.

– Хиберт, – спросила она, оглядываясь. – А где все?

– Так ведь нет никого, мадхен Мара. Дядя ваш, как из столицы вернулся, так рассчитал всех. Сказал, замок пойдет

на продажу. Я вот, один здесь. Оставлен сторожить, пока не объявится новый хозяин. А как объявится, так и мне придется искать себе угол. Ох-хо-хо... Новому-то хозяину зачем старик надобен?

Огляделся и вздохнул:

– Эх, мадхен Мара... Что теперь будет?

Мара слушала и не могла поверить своим ушам. А в душе поднималась злость на мерзавца Меркеля. Рановато он медведя разделявать стал! Медведь еще в лесу бегаёт.

От злости прибавилось сил. Она обернулась к старому Хиберту и сказала:

– Отцовский замок он не продаст. Я вернулась, и все будет по-старому.

– Да, мадхен, – без особой уверенности повторил Хиберт. Попытался было подхватить ее кофр, но она не дала.

– Оставь, я сама. Расскажи лучше, мой опекун сильно разорил замок?

И пока шла сначала до привратничкой, а потом до своей комнаты, узнала, что Меркель вывез все столовое серебро, посуду, мебель, гобелены. Даже новое постельное белье! Ничем не побрезговал. Дескать, племянница найдет себе богатого мужа на отборе, ей ничего из этого не понадобится.

– Лошадь-то хоть одну этот стервятник, мой опекун, оставил? – спросила она.

– Одну оставил, мадхен Мара. Чтобы было на чем ездить в лес.

– Хорошо, – проговорила она, оглядывая свою ободранную комнату.

Старик еще топтался, но она отправила его сразу, а сама застыла у окна.

Вот как все вышло. Жизнь сделала странную петлю и снова привела ее сюда, в родной дом. Только получилось все хуже не придумаешь. Но Мара не жалела ни о чем. Видно, так суждено.

Небо как раз расчистилось, вышла луна и осветила задний двор и садик, на который выходило ее окно. Она смотрела на залитый серебристым лунным светом розовый куст, который посадил для матери ее отец. Этот куст на месте, значит, все хорошо.

А дядя Меркель, ее опекун... Мара не сомневалась, что тот появится здесь, и очень скоро.

Ну что ж, подумала она. Пусть приходит.

Накануне.

Королевский замок Хигсланда действительно был велик и прекрасен.

Но все же он недостаточно велик для того, чтобы в нем прошло незамеченным случившееся в этот день событие. Одну из претенденток, Мару-Элизабету Хантц, с позором выставили с отбора.

Весь замок притих в ожидании.

Казалось бы, девица из медвежьего угла, ни знатности, ни богатства, кто бы вообще знал, как ее зовут? А теперь ее имя было у всех на устах. Потому что она внезапно затмила всех, и принцессу Грихвальда, и дочь главного ловчего, знаменитую красавицу Истелинду.

Слишком уж большой был резонанс, а поведение самого короля...

Но об этом (по понятной причине) никто не рисковал высказываться вслух. Никому не хотелось повторить судьбу матрес Фоурм. Зато делались ставки, кого следующего скосит косой королевской немилости. И, разумеется, все, что было прямо или косвенно связано с мадхен Хантц, отслеживалось с пристальным вниманием.

Свой интерес в этом деле имели все, в том числе и прислуга.

Когда мадхен Хантц выставили с отбора, ее служанка Гизел была очень расстроена. Во-первых, потому что эта тихая мадхен имела мирный и непривередливый характер. А во-вторых, и просто по-человечески, служанка считала своим долгом опекать ее и учить жизни. Потому как сиротка, да и немного не от мира сего.

Оказалось, что не немного, а очень основательно.

Отказать королю?!

У Гизел в голове не укладывалось. Ладно, старый барон. Но ТАКОЙ шанс! Надо было хвататься руками и ногами. А там бы она научила эту мадхен, как все правильно сделать. И зажили бы по-королевски...

Но раз такое дело, что уж. И жалко, да ничего не поделаешь.

И тут принесли вознаграждение. Приличный такой сундучок! Гизел с ходу прикинула – должна быть кругленькая сумма, даже если там серебро. А если золото? Ну не медь же, в самом деле!

Ну подумаешь, кинули без уважения. Но там же ТАКИЕ деньги!

А эта мадхен... Точно не от мира сего. «Платья – барону, а деньги вернуть королю».

И ушла.

Гизел готова была лопнуть от досады. Это ж... Платья, деньги, все само плывет в руки, и ничего себе не взять! Если бы хоть дверь в комнату была закрыта, можно было хотя бы несколько монеток успеть тиснуть. А так все на виду.

Служанка так и стояла, заламывая руки и не зная, что ей делать. Но продолжалась ее агония недолго. Бледный и нервный помощник распорядителя отбора заглянул в комнату, чтобы проверить, собрала ли свои вещи мадхен Хантц. И тут увидел картину.

Вещи не собраны, сундучок с королевским вознаграждением без всякого уважения валяется на полу, а служанка

столбом стоит в центре комнаты.

– Что здесь происходит? – спросил он недовольно. – Почему вещи до сих пор не собраны? И где эта мадхен Хантц?

Ох, у Гизел язык чуть не отсох, пока все выговорила. Как от себя это все отрывала.

– Ушла мадхен, ваша милость. А вещи... – она оглянулась. – Платья велено доставить барону Малгиту, а вознаграждение вернуть его величеству.

– Что?!

Помощник распорядителя сначала не поверил. Потом, осознав, хищно уставился на сундучок и грозно на служанку. Оглянулся на открытую дверь и прошипел:

– Если ты только посмеешь рот открыть, я тебя...

Договорить не успел, в открытую дверь просунулась голова леди Истелинды. Которой тоже было интересно, убрались ли отсюда эта мадхен Хантц. Откровенно говоря, леди Истелинда была только рада тому, что беловолосая провинциальная дура вылетела с отбора. Но сейчас она потрясенно оглядела комнату и ахнула:

– Что здесь происходит?

Помощник распорядителя поклонился и изобразил улыбку:

– Все в порядке, леди Белмар, идите к себе и не извольте беспокоиться. Мы освобождаем комнату.

Потом повернулся к служанке.

– Я позову стражу. Головой отвечаешь за сохранность! –

бросил сквозь зубы и ушел.

Минут через десять вернулся с двумя стражниками, забрал платье и сундучок с деньгами. А Гизел оставалось только с досадой смотреть, как уплывает из рук богатство.

Положительно, этот день был какой-то дурной.

Когда это все доставили королю...

глава 18

Боль от раны приходит не сразу. В первый момент, когда кровь еще кипит, рану можно и не заметить. Но потом...

Когда Родхар ускакал с той охоты, он сначала ощущал только обиду и злость. Уже потом, оказавшись в замке и отдав себя наконец в руки лекаря, он понял, что потерял много крови. Волк все-таки здорово потрепал его, но ничего, шкуру Родхар приказал выделывать и доставить в его покои. Как вечное напоминание.

И да, пришла боль.

Лекарь шил его раны, а король заливал боль крепким красным вином.

Но только болело у него в душе. Жгло досадой изнутри, горело! Отказ девчонки воспринимался так же болезненно, как если бы это было поражение в войне. Каких только обвинений он не высказал ей мысленно.

И двуличная, и неблагодарная, и меркантильная. Конечно! Она ведь предпочла ему мерзкого старого паука Малгита!

А в глубине души Родхару было безумно обидно. Мужчину заливала горечь и непонятное чувство, которому он не знал названия. А подогреваемые вином мысли постоянно ездил по кругу, и чем дальше, тем больше вскипала злость.

В конце концов он взял себя в руки. Когда чуть не пришиб

лекаря.

Довольно. Король не должен размениваться на какие-то дурацкие чувства. Что-то мешает его жизни? Это что-то должно быть удалено. Выброшено. К чертовой матери. К ворунам!

Потому, как только ему донесли, что девица Хантц вернулась во дворец, король приказал, чтобы ей доставили положенное за участие в отборе вознаграждение. И велел проследить, чтобы она минуты лишней не задержалась в его замке.

А сам хотел заняться обычными делами.

Но не смог. И дело не в том, что все сильнее саднили раны и ссадины. Король просто не мог заставить себя сосредоточиться. Тогда он просто бросил все и быстрым шагом направился в главный зал. А по дороге отдал распоряжение собрать там всех претенденток отбора и устроить музыкальный вечер.

Но вот незадача, оказалось, что некому руководить столь ответственным делом, как королевский отбор. Крылом претенденток заведовала матрес Елена Фоурм, а сейчас означенная дама сидела под замком, и с ней беседовал королевский дознаватель. Распорядителя отбора тоже временно отстранили от должности, до тех пор пока не будет доказана его (не)виновность.

Помощников у распорядителя было трое, и вся эта нелегкая задача, пока не будет избрана на должность смотрительницы другая достойная дама, была возложена на них. Одно-

го уже отправили проверить, собрала ли свои вещи покрывшая себя позором мадхен Мара-Элизабета Хантц. Ему было велено проследить, чтобы означенная девица убралась из замка, как только будет готова.

Двое других получили приказ проследить, чтобы участницы отбора вовремя попали на музыкальный вечер. И помчались выполнять.

Ибо его величество сейчас лучше было не злить.

Как сложно иногда бывает сделать самую простую вещь!

Если бы не вмешалась леди Истелинда, можно было спокойно взять себе деньги, которые он обнаружил в комнате этой мадхен Хантц. А служанку запугать так, что она бы рта не раскрыла. И черт с ними, с платьями! Платья пусть берет себе старый барон Малгит.

И тут дочь лорда Белмара так некстати сунула свой нос и видела все. Теперь по-тихому прикарманить он не мог, потому что эта дама всегда и все докладывает своему папеньке. Разве что остановиться где-нибудь по дороге и отсыпать себе хотя бы часть. Но что делать со стражниками?! Их надо было куда-то услатить...

Пока он судорожно пытался придумать, как проделать это все, его нагнал новый королевский приказ. И двое других помощников.

– В чем дело? Чем ты здесь занят? Приказ короля доста-

вить претенденток в главный зал СРОЧНО.

Помощник распорядителя закрыл рукой лоб. Поистине, это был какой-то дурной день. Такое дело! И не выгорело. Но он позаботился, чтобы стражники тоже ничего не растащили по дороге.

Он взял еще двоих молодцов и велел немедленно доставить все его величеству и доложить как есть. А сам отправился выполнять королевское поручение.

Его величество Родхар сидел на троне. Держал в правой руке кубок вина, а левая, перевязанная, покоилась на подлокотнике. Лорды уже собрались в большом зале, ожидали, что вот-вот должны появиться девушки, участницы отбора. Рядом срочно накрывались столы для закусок, музыканты наигрывали мелодию.

Король намерен был развлекаться, и плевать ему было на какую-то девицу с серебристыми волосами. Сейчас их тут будет много, он о ней и не вспомнит.

И в этот момент в зале появилась странная процессия. Четыре стражника. Двое впереди несли знакомый на вид сундучок. Двое других шли сзади и несли другой сундук, намного больше. В таких обычно хранят одежду.

Подожли и поставили на пол перед ним.

Родхар замер. Потом подался вперед и спросил:

– Что это?

А когда услышал ответ...

У него почернело в глазах. Ушла. И швырнула ему деньги в лицо.

Это была неслыханная пощечина.

Какое-то время Родхар молчал, не замечая, что кубок из мягкого золота смялся и вино стекает по его руке, словно кровь. Неизвестно, чем бы все закончилось, будь он один. Но в зале были лорды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.